

107

~~293~~

ОСНОВА

$\frac{7}{107}$

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛІТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

1007 (29)

«Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли.»
Владиміръ Мономахъ.

1864

М А Й

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ТИШЕЛЕНА И КОМПА.

59
a

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Мая 30-го дня, 1861 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ.*

1007(28)

КОБЗАРЬ.

ПРЕДСМЕРТНІ ДУМИ (*).

XIV.

Мину́ли лі́та молоді́...
Холо́днимъ ві́тромъ одъ наді́
Уже́ повіяло... Зі́ма!...
Сиді́ оди́нъ вѣ́ холóдній хати́...
Нема́-сь-кимъ ти́хо розмовля́ти
А ні́ пора́дитись... Нема́!
А ні́когісі́нько нема́!
Сиді́ жъ оди́нъ, поки́ надія́
Одурі́ть дурі́ня, осмі́е...
Морóзомъ о́чі оку́е,
А думи́ го́рдїі́ розві́е,
Якъ ту́ сні́жину́ по степу́...
Сиді́ жъ оди́нъ-собі́ вѣ́ кутку́,
Не жді́ весні́—святóї́ до́лі!
Вона́ не зійде́ вже ні́коли
Садóчокъ твій́ позелені́ть,
Твою́ надію́ онові́ть—

(*) Прочита́вши о́ці *предсмертні́ думи́*, вся́къ зрозу́міє—що́ голуби́ла, на о́станку́ житт́я́ свого́, вели́ка ду́ша́ Тара́сова,—и́ ко́жпо́му неві́рі́ бу́де́ я́сно—чо́му-то́ такъ ви́со́ко ста́нові́мо ми, Украї́нці, свого́ єди́ного, всена́ро́днєго, Кобза́ря.

И думу вольную на волю
 Не прийде випустить.... Сиди—
 И нічогісінько не жди!...

18 октября, 1860 р.
 Петербургъ.

XV.

И тутъ, и всюди—скрізь погано!...
 Душа убога встала рано,
 Напрѣла мало, та й лягла
 Одпочивать собі небога.
 А воля душу стерегла...
 «Прокінься», каже: «плачь, убога!
 Не зійде сонце!.. тьма и тьма!
 И правди на землі нема!»
 Ледача воля одурѣла
 Маленьку душу: сонце йде
 И за собою день веде!..

30 октября, 1860 р.
 Петербургъ.

XVI.

Въ ночі и бжеледь и мріява,
 И снігъ, и холодъ... и Невѣ
 Тихесенько рудись неслѣ
 Тоненьку крігу попідъ мостомъ.
 А я, отó-жъ-такі въ ночі,
 Идѣ та кашляю йдучи.
 Дивлюсь:—ниначе ті ягніта,
 Идѣть задріпані дівчата,
 А дідъ (сердешний инвалидъ)
 За ними гнѣтця—шкандибѣе,
 Мовъ у кошару заганяе
 Чужѣ худобу.... Дѣжъ той свѣтъ!..?

И дѣ та правда?!... Горе! горе!
 Ненагодіванихъ и гблихъ
 Дівчаточокъ, ягъ ту отару,
 Женуть!... Чи буде судъ и кара
 Усімъ неправдамъ на землі?
 Чи буде правда міжъ людьми?...
 Повинна быть!.. бо сонце стане
 И оскверненну зѣмлю спалить.

3 ноября, 1860 р.

Петербургъ.

XVII.

И день идѣ, и нічъ идѣ...
 И, голову схопівши въ рѹки,
 Дивѹється—чому не йдѣ
 Апостолъ правди и наѹки?!

3 ноября 1860 р.

Петербургъ.

XVIII (*).

Чи не покинуть намъ, небόго,
 Мой сусідонько убόга,
 Вірші нігчѣмні віршувать,
 Та заходятьця рѣштувать
 Возі въ далѣкую дорόгу?—
 На *тої світѣ*, друже мій, до Бόга,
 Почимчигѹємъ спочивать...
 Втомилися и підтоптались
 И рѣзуму-таки набрались,—

(*) Стихи оці, (мабуть—*До Музи*), здається, останнє поетичне слово нашого вічно-пам'ятного Тараса. На підлиннику, під першою його половиною (після стиха: *Славою святою*), стоїть «14 февраля»; під другою половиною—дня не означено.

То й буде зъ насъ!—ходімо спать—
 Ходімо *въ хату* спочивать...
 Весела хата, щобъ ти знала!...

Ой не йдімо, не ходімо,
 Ра́но, дру́же, ра́но;
 Походімо, посидимó—
 На *сей сві́т* погляне́мъ!
 Поглянемо, моя́ доле...
 Бачь, який ширóкий,
 И ширóкий та весéлий,
 Ясний та глибо́кий...
 Походімо жъ, моя́ зóре!
 Зійдемо на го́ру—!
 Спочінемо... а тимъ-ча́сомъ
 Твої сéстри-зóрі,
 Безві́чніі, попідъ не́бомъ
 Попливу́ть, зася́ють...
 Подождімо жъ, моя́ сéстро,
 Дру́жино свята́я!
 Та несквѣрними у́стами
 Помóлимось Богу,
 Та й ру́щимо тихéсенько
 Въ дале́ку доро́гу...
 Надъ Лéтою бездо́бною
 Та каламутно́ю
 Благослови́ мене́, дру́же,
 Сла́вою святóю!...

А по́ки те́, да се́, да о́не,
 Ходімо прóсто—навпрóстєць
 До Эскула́па на рале́ць—
 Чи не оду́рить вінъ Ха́рбна
 И Па́рку-пря́лку?... И тогді́,
 По́ки бъ химеривъ му́дрий дідъ,
 Твори́ли бъ, ле́жа, э́попею—
 Парі́ли бъ скрі́зь по-надъ земле́ю—
 Та все бъ гекза́метри плелі́,
 Та на горі́ще бъ однеслі́

Мишамъ на снідання.... А потімъ
Співали бъ прозу—та по нотахъ,
А не якъ-небудь...

Друже мій,
О мій сопутниче святий!
Поки огонь не захолюнувъ,
Ходимо лүче до Харбона—
Черезъ Лету бездонную,
Та каламутнүю
Перепливе́мъ, перенесе́мъ
И славу святүю —
Безвѣчною—молодүю...
Абб—цүръ ий, друже!
И безъ неі обійдүся—
Та якъ буду здүжати,
То надъ са́мимъ Флегетѣномъ
Абб надъ Стіксомъ у раю,
Ниніче надъ Дніпромъ широкимъ,
Въ гаю—предвѣчнѣму гаю,
Постаблю хаточку,—садбчокъ
Кругомъ хатіни насажу:
Прилинешъ ти у холодбчокъ,
Тебе, мовъ кралою, посажу:
Дніпрѣ, Україну згадае́мъ,
Веселі сѣлища въ гайхъ,
Могіли-гѣри на степахъ—
И веселѣнько заспіваетъ....

14—26 февраля 1861 р.

Т. Шевченко.

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА (*).

Первый отрывокъ.

Іюня 12, 1857 г.

Первое замѣчательное происшествіе, которое я вношу въ мои записки, суть слѣдующее: обрѣзывая сію первую тетрадь для помянутыхъ записокъ, я сломалъ перочинный ножъ. Происшествіе, повидимому, ничтожное и незаслуживающее того вниманія, которое я ему оказываю внося его какъ что-то необыкновенное въ сію пеструю книгу. Слу-

(*) Въ-увѣренности, что всякое слово нашего незабвеннаго поэта дорого и любопытно каждому читателю «Основы,» помѣщаемъ отрывокъ изъ дневника Шевченка,—дневника, который не предназначался къ печати и задуманъ имъ съ цѣлью — сократить время въ ожиданіи разрѣшенія—возвратиться къ друзьямъ, послѣ 10-лѣтней разлуки. Дневникъ этотъ занимаетъ 102 большихъ полулиста и представляетъ драгоценныя біографическія данныя съ 12 іюня 1857 по 13 іюля 1858 года, и не многія, но высшей степени любопытныя, воспоминанія поэта о своей молодости. При жизни Тараса Григорьевича, дневникъ его почти никому не былъ извѣстенъ; онъ былъ подаренъ, за тайну, ближайшему другу покойнаго, М. М. Л.—скому, которому всѣ почитатели поэта обязаны, вмѣстѣ съ нами, благодарностью за позволеніе — взглянуть поближе на эту простую, сильную, истинно-художественную натуру, на эту глубоко-печальную, но поучительную, геройски-выдержанную, жизнь. Только изъ «дневника» можно узнать, сколько дѣтской искренности и мужественнаго само сознанія, сколько человѣчности, можно-сказать—благости, было въ чистомъ сердцѣ *нашого Тараса*. Изъ «дневника» и нѣкоторыхъ поэтическихъ его откровеній становится ясно—что дало ему силы—вынести горестную свою долю: безграничная любовь, къ народу, непрестанное сочувствіе *ко всему страждущему* въ этомъ чудномъ мірѣ, красота котораго была неизмѣнно присуща ему, какъ художнику: вотъ—что увлекало его до забвенія о себѣ-самомъ, о своей собственной участи...

... вінъ не прѣсить,

Не плаче, не стогне:

Різъ добромъ наліте сѣрце

Вікъ не прохолоне.

Онъ былъ добръ тою возвышенною добротою геніальнаго ума и сердца, безъ которой для *человѣка* не возможно истинное величіе. — Геніальность природы Шевченка видна и въ томъ, что онъ такъ-много понималъ, и такъ-вѣрно угадывалъ *правду*, почти безъ всякаго научнаго, школьнаго, образованія: до послѣдней своей минуты, онъ не зналъ русскаго правописанія; его «дневникъ» наполненъ ошибками въ историческихъ именахъ, техническихъ названій, въ словахъ изъ иностранныхъ языковъ; но много ли у него ошибокъ въ пониманія природы, искусства, *человѣка*, родины и—себя-самого?

чись этотъ казусъ въ столицѣ или даже въ порядочномъ губернскомъ городѣ, то, натурально, онъ не попалъ бы въ мою памятную книгу. Но это случилось въ Киргизской Степи, т. е. въ Новопетровскомъ укрѣпленіи, гдѣ подобная вещь для грамотнаго человѣка, *какъ на-примѣръ*—я, дорого стоитъ; а главное—что не всегда ее можно достать и даже за порядочныя деньги. Если вамъ удастся растолковать свою нужду армянину—маркитанту, который имѣетъ сообщеніе съ Астраханью, то вы все-таки не ближе какъ черезъ мѣсяцъ — лѣтомъ, а зимою—черезъ пять мѣсяцевъ, получите прескверный перочинный ножикъ и, разумѣется, не дешевле *монеты*, т. е. рубля серебромъ. А случается и такъ,—и весьма часто,—что вмѣсто ожидаемой вами съ нетерпѣніемъ вещи, онъ васъ попотчуетъ или московской бязью, или кускомъ верблюжьего сукна, или, наконецъ, кислымъ—какъ онъ говоритъ—*дамскимъ* чихиремъ. А на вопросъ вашъ, почему онъ вамъ не привезъ именно то, что вамъ нужно, онъ вамъ пренаивно отвѣтитъ,—что «мы люди комерческіе, люди неграмотные,—всего не упомянешь.» Что вы ему на такой резонный доводъ? Ругнете его,—онъ усмѣхнется,—а вы все-таки безъ ножа останетесь. Теперь понятно, почему въ Новопетровскомъ укрѣпленіи утрата перочиннаго ножа—событіе, заслуживающее бытописанія. Но Богъ съ нимъ—и съ укрѣпленіемъ, и съ пожомъ, и съ маркитантомъ; скоро, дастъ Богъ, вырвуся я изъ этой тюрьмы и тогда подобное происшествіе не будетъ имѣть мѣста въ моемъ журналѣ.

Сегодня уже второй день, какъ спилъ я себѣ и акуратно обрѣзалъ тетрадь для того, чтобы записывать, что со мною и около меня случится. Теперь еще только девятый часъ; утро прошло, какъ обыкновенно, безъ всякаго замѣчательнаго происшествія; увидимъ, чѣмъ кончится вечеръ? а пока—совершенно нѣчего записать; а писать—охота страшная, и перья есть очиненныя. По милости ротнаго писаря, я еще не чувствую своей утраты. А писать все-таки не о чемъ! А сатана такъ и шепчетъ на ухо—пиши что ни попало, ври сколько душѣ угодно: кто тебя станетъ повѣрять? И въ шкапичныхъ журналахъ врутъ, а въ такомъ—въ домашнемъ—и Богъ велѣлъ.

Если бы я свой журналъ готовилъ для печати, то—чего добраго—пожалуй, и искусилъ бы лукавый врагъ истины, но я, какъ сказалъ поэтъ нашъ,

Пишу не для мгновенной славы,
Для развлеченья, для забавы,

Для милыхъ искреннихъ друзей,
Для памяти минувшихъ дней.

Мнѣ слѣдовало бы начать свой журналъ со времени посвященія моего въ новый санъ, сирѣчь съ 1847 года. Теперь бы то была претолстая и прескучная тетрадь. Вспоминая эти прошедшіе грустные десять лѣтъ, я сердечно радуюсь, что мнѣ не пришла тогда благая мысль обзавестись записной тетрадью. Что бы я записалъ въ ней? Правда, въ продолженіи этихъ десяти лѣтъ я видѣлъ даромъ то, что не всякому удастся видѣть; но какъ я смотрѣлъ на все это? какъ арестантъ смотритъ изъ тюремнаго рѣшетчатого окна на веселый свадебный поѣздъ. Одно воспоминаніе о прошедшемъ и видѣнномъ въ продолженіи этого времени приводитъ меня въ трепетъ; и что же было бы, если бы я записалъ эту мрачную декорацию и грубыхъ лицедѣевъ, съ которыми мнѣ привелось разыгрывать эту мрачную, монотонную, десятилѣтнюю драму! Мимо пройдемъ, мимо минувшаго моего, моя коварная память! Не возмутимъ сердца любящаго друга недостойнымъ воспоминаніемъ, забудемъ и простимъ темныхъ людей, какъ простилъ милосердый Человѣколюбецъ... — — — Обратимся къ свѣтлому и тихому, какъ нашъ украинскій осенній вечеръ, и запишемъ все видѣнное и слышанное, и все, что сердце продиктуетъ.

Отъ 2-го мая получилъ я письмо изъ Петербурга отъ Михаила Лазаревскаго съ приложеніемъ 75 р. Онъ извѣщаетъ меня — или, лучше, поздравляетъ съ свободою. До-сихъ-поръ однакожъ нѣтъ ничего изъ корпуснаго штаба, и я, въ ожиданіи распоряженій помянутого штаба, собираю свѣдѣнія о волжскомъ пароходствѣ. Сюда притѣкаютъ иногда астраханскіе флотскіе офицеры (крейсера отъ рыбной экспедиціи); но... по ихъ разсказамъ... я, при всемъ моемъ желаніи, не могу до сихъ поръ составить никакого понятія о волжскомъ пароходствѣ. Въ статистическихъ свѣдѣніяхъ я не имѣю надобности, но мнѣ хочется знать, какъ часто отходить пароходъ изъ Астрахани въ Нижній-Новгородъ, и какая цѣна мѣстамъ для пассажировъ. Но увы! при всемъ моемъ стараніи, я узналъ только, что мѣста разные, и цѣна разная, а пароходы изъ Астрахани въ Нижній ходятъ очень часто. Не правда ли — точныя свѣдѣнія?

Не смотря однакожъ на эти точныя свѣдѣнія, я уже успѣлъ (разумѣется, въ воображеніи) устроить свое путешествіе по Волгѣ уютно, спокойно и — главное — дешево. Пароходъ буксируетъ (одно, единственное, вѣрное свѣдѣніе!) нѣсколько барокъ, или, какъ ихъ

называютъ, подчалками, до Нижняго-Новгорода съ разнымъ грузомъ. На одной изъ такихъ барокъ я думаю устроить свою временную квартиру и пролежать въ ней до нижегородскаго дилижанса. Потомъ въ Москву, а изъ Москвы, помолившись Богу за фультонову душу, черезъ 22 часа и въ Питеръ, — не правда ли, яркая фантазія? Но на сегодня — довольно.

Нынѣшній вечеръ ознаменованъ прибытіемъ парохода изъ Астрахани. Но какъ событіе сіе совершилось довольно поздно, въ девятомъ часу, то до слѣдующаго утра я не получу отъ него никакихъ извѣстій. Важнаго я ничего и не ожидаю отъ астраханской почты. Вся перепишка моя идетъ черезъ Гурьевъ — городокъ, а черезъ Астрахань я весьма рѣдко получаю письма. Слѣдовательно, мнѣ отъ парохода ждать нечего. Не вздумаетъ ли *Батько Кошовый*, К — ко, написать мнѣ? То-то бы одолжилъ меня старый черноморецъ! Замѣчательное явленіе между людьми этотъ истинно благородный человекъ. Съ 1847 г., всѣ друзья мои должны были прекратить со мною всякое сношеніе. К. не зналъ о такомъ распоряженіи, равно не зналъ и о моемъ мѣстопробываніи и, будучи въ Москвѣ, во время коронаціи, депутатомъ отъ своего войска, познакомился со старикомъ М. С. Щ — мъ и отъ него узналъ о мѣстѣ моего заключенія. И, благородѣйшій другъ! написалъ мнѣ самое искреннее, самое душевное письмо. Черезъ десять лѣтъ — и не забыть *друга*, и еще въ несчастіи друга! это — рѣдкое явленіе между себялюбивыми людьми. Съ этимъ же письмомъ, послучаю, какъ онъ пишетъ, послучаю полученія имъ Станислава первой степени, прислалъ онъ мнѣ, на поздравку, 25 р. ср. Для семейнаго и небогатаго человека большая жертва. И я не знаю, чѣмъ и когда я ему воздамъ за эту искреннюю нелицемѣрную жертву.

Послучаю этого дружескаго неожиданнаго привѣтствія, я расположился — было мое путешествіе такимъ образомъ: черезъ Кизляръ и Ставрополь проѣхать въ Екатеринодаръ прямо къ К — у. Насмотрѣвшись досыта на его благородное выразительное лицо, я думалъ проѣхать черезъ Крымъ, Харьковъ, Полтаву, Кіевъ — въ Минскъ, Несвижъ и, наконецъ, въ село *Чирковичи*, и обнявъ своего друга и товарища... Бр. З — го, черезъ Вильно проѣхать въ Петербургъ. Планъ этотъ измѣнило письмо М. Л — го отъ 2 мая. Изъ письма этого я увидѣлъ, что мнѣ нигдѣ не останавливаясь нужно поспѣшить въ академію художествъ и облобызать руки и ноги графини Н — и И — ы Тол — ой и ея великодушнаго супруга, графа Т — ра П — ча. Они — единственные виновники моего избавленія, и имъ первый поклонъ; —

независимо отъ благодарности, этого требуетъ простая вѣжливость. Вотъ главная причина, почему я, вмѣсто ухарской тройки, выбралъ тридцатидневное монотонное плаваніе по матушкѣ-Волгѣ. Но состоитъ ли оно,—я этого еще навѣрное не знаю. Легко можетъ случиться, что я еще, въ своей хламидѣ, попунтирую въ Уральскъ; всего еще можно ожидать! И потому не слѣдуетъ давать слишкомъ много воли своему неугомонному воображенію. Но—утро вечера мудренѣе. Посмотримъ, что завтра будетъ? Или, лучше сказать, что привезетъ Гурьевская почта.

14 іюня.

Я что-то черезчуръ усердно и акуратно взялся за свой журналъ; не знаю, долго ли продлится этотъ писательскій жаръ? Какъбы не сглазить. Если правду сказать, я не вижу большой надобности въ этой пунктуальной акуратности, а такъ—отъ нечего дѣлать. На бездѣльи и это руководѣе. Записному литератору, какому-нибудь поставщику фельетона—тому необходима эта бездушная акуратность, какъ упражненіе, какъ его насущный хлѣбъ; какъ инструментъ виртуозу, какъ кисть живописцу, такъ литератору необходимо ежедневное упражненіе пера. Такъ дѣлаютъ и геніальные писатели, такъ дѣлаютъ и пачкуны. Геніальные писатели потому, что это ихъ призваніе; а пачкуны потому, что они иначе себя и не воображаютъ, какъ геніальными писателями; а то бы они и пера въ руки не брали. — — — —

Кажется, кто-то написалъ книгу подъ заглавіемъ *солдатскіе досуги*. Заглавіе ложное. У русскаго солдата досуга слишкомъ не много.... — — — —

Солдату простиительно окунуть иногда свою одинокую душу въ полштофъ сивухи. — — — —

Какая же, спрашивается, была цѣль у прославленнаго сочинителя писать подобные досуги? И что нравственнаго въ подобныхъ досугахъ, если они писаны съ натуры (я книги не читалъ); а если это просто *сочиненіе*, т. е. фантазія, то опять—какая цѣль подобной фантазіи? а не лучше ли бы сдѣлалъ почтеннѣйшій авторъ сихъ ненужныхъ фантастическихъ досуговъ, если бы написалъ истинные досуги линейныхъ, армейскихъ и даже гвардейскихъ молодыхъ офицеровъ? Этимъ онъ оказалъ бы величайшую услугу чадолубивымъ—родителямъ.

15 іюня.

Чтоже я сегодня занесу въ мой журналъ? Совершенно нечего занести, а ни ни ничего хоть сколько-нибудь выходящаго изъ круга

обыденной монотонной жизни. Сегодня поутру началъ я рисовать портретъ Б., чернымъ и бѣлымъ карандашомъ, въ киргизской кибиткѣ на огородѣ. Прекрасное освѣщеніе, — и я съ охотою принялся за работу. Пріятельница помѣшала, — я закрылъ портфель и вышелъ изъ кибитки. Скромная пріятельница неутерпѣла взглянуть однимъ глазкомъ на мою работу и нашла рѣшительное сходство еслибы ротъ и носъ поменьше. И, неудовольствовавшись собственнымъ замѣчаніемъ, спросила мнѣнія у горничной и у своего фаворита — молчалина. Это меня рѣшительно взбѣсило и я, не простившись, ушелъ въ укрѣпленіе. Въ укрѣпленіи видѣлъ — офицію; солдатамъ выдавали жалованье, мнѣ тоже выдали; я передалъ его своему, еще трезвому, дядькѣ и велѣлъ ему сшить изъ подкладочнаго холста *торбу* для дороги. Потомъ зашелъ къ М — скому, выслушалъ въ другой разъ исторію (съ нѣкоторыми прибавленіями) о будущемъ тестѣ и зятѣ, выпилъ рюмку водки и возвратился на огородъ. Обѣдалъ, — послѣ обѣда, по доброму обычаю предковъ, заснулъ часика два, и тѣмъ кончилось 15 число іюня. О вечерѣ совершенно нѣчего написать.

16 іюня.

Сегодня воскресенье. Я ночевалъ на огородѣ. Поутру былъ въ укрѣпленіи. Дождь (весьма рѣдкое явленіе) помѣшалъ мнѣ возвратиться на огородъ, и я остался обѣдать у М — скаго. М — скій — человекъ, котораго я люблю и уважаю; человекъ — не сплетня, не верхоглядъ, человекъ аккуратный, положительный и въ высокой степени благородный. Говорить плохо по-русски, но русскій языкъ знаетъ лучше многихъ. — Въ 1830 году служилъ онъ въ артиллеріи бывшей польской арміи, и изъ военно-плѣнныхъ зачисленъ былъ рядовымъ въ русскую службу. Я много отъ него слышалъ интересныхъ подробностей о 1830 годѣ. Достоинъ замѣчанія то, что онъ рассказываетъ о собственныхъ дѣйствіяхъ и неудачахъ безъ малѣйшихъ украшеній: рѣдкая черта въ военномъ человекѣ, тѣмъ-болѣе — въ Сарматѣ. Однимъ словомъ, М — скій — человекъ, съ которымъ можно жить, не смотря на видимую сухость и прозаичность его характера.

Сегодня же милѣйшая миледи М. сообщила мнѣ, впрочемъ — не по секрету, со всѣми подробностями, исторію объ одномъ семейномъ побоищѣ. Изъ этой исторіи можно бы выкроить водевиль, разумѣется, водевиль для здѣшней публики. Назвать его можно *свадебный подарокъ* или *недошитая кофта*. Премиленькій и назидательный могъ бы выкроиться водевильчикъ! — — — И это гнусное происшествіе, не

выходящее изъ круга обыкновенныхъ происшествій въ Н. П. укрѣпленіи, и я, въ этомъ омутѣ, среди этого нравственного безобразія; седьмой годъ уже кончаю... Страшно! Теперь, когда уже узнали о моемъ освобожденіи то ближайшіе мои начальники—фельдфебель и ротный командиръ, не увольняя меня отъ ученія и караула, позволили мнѣ, въ свободные часы отъ службы, проводить на огородѣ, зачѣмъ я имъ сердечно благодаренъ. На огородѣ, или въ саду, лѣтняя резиденція нашей комендантши, и все свободное время теперь я провожу въ ея семействѣ; у нея двое маленькихъ дѣтей: Наташенька и Наденька, и это—единственный мой отдыхъ и разсѣяніе въ этомъ захолустѣ.

Сегодня, въ четвертомъ часу утра, пришелъ я на огородъ. Утро было тихое, прекрасное. Иволги и ласточки нарушали, изрѣдка только, сонную, сладкую тишину утра. Съ нѣкотораго времени, съ тѣхъ поръ какъ мнѣ позволено уединяться, я чрезвычайно полюбилъ уединеніе. Милое уединеніе! Ничего не можетъ быть въ жизни слаще, очаровательнѣе уединенія. Особенно передъ лицомъ улыбающей, цвѣтушей красавицы матери-природы. Подъ ея сладкимъ волшебнымъ обаяніемъ, человѣкъ невольно погружается самъ въ себя «и видитъ Бога на землѣ», какъ говоритъ поэтъ. Я и прежде не любилъ шумной дѣятельности, или, лучше сказать, шумнаго бездѣлья. Но послѣ десятилѣтней *здѣшней* жизни, уединеніе мнѣ кажется настоящимъ раемъ, а я все-таки не могу ни за что приняться. Ни малѣйшей охоты къ труду. Сижу или лежу молча по цѣлымъ часамъ, подъ моею любимую вербою и хоть бы на-смѣхъ что-нибудь шевельнулося въ воображеніи. Таки совершенно ничего. Настоящій застой! И это томительное состояніе началось у меня съ 7 апрѣля, т. е. со дня полученія письма отъ М. Лазаревского. Свобода и дорога меня совершенно поглотили. Спасибо еще К—у, что догадался прислать книгъ, а то я не зналъ бы, что съ собою дѣлать. Въ-особенности благодаренъ я ему за *Записки о Южной Руси*. Я эту книгу скоро наизусть буду читать. Она мнѣ такъ живо, такъ волшебпо-живо напомнила мою прекрасную Украину, что я какъ-будто съ живыми бесѣдую съ ея славными лириками и кобзарями. Прекраснѣйшій, благороднѣйшій трудъ, бриліантъ въ современной *исторической* литературѣ. Пошли тебѣ, Господи, друже мой искренній, силу, любовь и терпѣніе продолжать эту неоцѣненную книгу. Прочитавши въ первый разъ эту алмазную книгу, я дерзнулъ—было дѣлать замѣчанія, но когда прочи-

талъ въ другой и въ третій разъ, то увидѣлъ, что замѣтки мои— замѣтки пьянаго человѣка и—ничего больше. Окромя Суботова, т. е. на счетъ мѣста бывшаго дома Богдана Хмельницкаго. Но такое ничтожное пятнышко не должно быть замѣчаемо на драгоценной ткани. Я общалъ, начитавшись до-сыта этой книги, послать ее К — ку, и теперь жалѣю, что общалъ. Во-первыхъ, потому, что я и никогда не читаю до-сыта, а вовторыхъ, потому, что поля книги испачканы нелѣпыми замѣчаніями. Дастъ Богъ, я ему изъ Петербурга вышлю чистенькій экземпляръ.

Вчерашній водевиль кончился, какъ и слѣдовало ожидать, сегодня миромъ и гомерической попойкой съ пѣсельниками. Интересно знать— чѣмъ кончится свадьба. Вѣроятно—дракой.

18 июня.

Сегодня я, какъ вчера, точно также рано пришелъ на огородъ; долго лежалъ подъ вербою; слушалъ иволгу и, наконецъ, заснулъ. Видѣлъ во снѣ Мижигорскаго Спаса Дзвонковую-Криницю, и потомъ Выдубицкій монастырь, а потомъ—Петербургъ и свою милую Академію. Съ недавняго времени мнѣ начали грезиться во снѣ знакомые, давно-невиданные предметы. Скоро ли увижу все это я на-яву? Сновидѣніе имѣло на меня прекрасное вліяніе въ продолженіе всего дня, а тѣмъ болѣе, что сегодня гурьевскую, т. е. оренбургскую, почту ожидали. Къ вечеру, дѣйствительно, почта пришла, но ни мнѣ, ни обо мнѣ ничего не привезла. Опять я спустилъ носъ на квинту! Опять тоска и безконечное ожиданіе! Неужели отъ 16 апрѣля до сихъ поръ не могли сдѣлать въ штабѣ, на счетъ меня, распоряженія? Холодные равнодушные люди! Вечеромъ возвратился я въ укрѣпленіе и получилъ приказаніе отъ фельдфебеля готовиться къ смотру. Это результатъ давно ожидаемой почты и съ такимъ трепетомъ ожидаемой свободы. Тяжело, невыразимо тяжело! Я одурѣю, наконецъ, отъ этого безконечнаго ожиданія....

Какъ быстро и горячо исполняется приказаніе—арестовать, такъ, напротивъ, вяло и холодно исполняется приказаніе—освободить. А исполнители одни и тѣже. Отчего же эта разница? Въ 1847 году, въ этомъ же мѣсяцѣ, меня на седьмые сутки доставили изъ Петербурга въ Оренбургъ, а теперь, дай Богъ, на седьмой мѣсяцъ получить приказаніе—отобрать отъ меня казенныя вещи и прекратить содержаніе.... Форма... Но я не возьму себѣ въ толкъ этой формы!

КОБЗАРЬ.

ХІХ.

Въ неволі тяжко, - хоча й волі,
Сказать по правді, не було,
Та все-таки́ якось жилось
Хоть на чужбому—та на полі;
Теперь же злої тії долі
Якъ Бога ждати довелось,
И жду її, и виглядаю,
Дурний свій розумъ проклинаю,
Що дався дурнямъ одурить—
Въ калюжі волю утопить...
Холо́не серце, якъ згадаю,
Що не въ Україні поховаютъ,
Що не въ Україні буду жить,
Людей и Господа любить.

1847 р.

Т. Шевченко.

САЛДАТКА.

(Іереміі Галці, на-незабудь.)

I.

Товкачісі радість—Богъ давъ сїна; двійко бігає, трєте у колісці,— кричить. А Товкачеві й байдужки: сидїть край вікна; думки та гадки одолїли. Любивъ, небόга, мірковати самъ зъ собόю, хочъ и головá ёму не розумїла, про щό думала.

«Якъ-то вже, «думáє», усé чўдно та нáче нерозумно на світі постановлено: пáні рожáє паничá, Товкачїха—пáробка; одному — хόля-вόля; дру́гому — пáнщина. Отъ якъ невідно—ревїзія; несі, бáть-ко, за Товкачénка подўшне, бо й Товкачénко дївигця на бόжий світь...»

Думавъ, думавъ, ажъ плóнувъ.

Лежїть синокъ у колісці, пручáетця. Ёго охрестїли — ставъ Семénкомъ.

Семенко вже хлопчикъ чимáлий—стáрші братї погбничами.

Братї поженїлись, и Семенко вже пáрубокъ, білолиций, чорнявий, та висόкий. Бáтько й мáти не надівлятця на Семéна.

Чáсомъ мáти тужїла, що найкращу дитїну пїсано до мўштри,— та ще бїльшъ пильновáла за нею: «Нехáй, кáже, хочъ у мáтерї на роскоші поживé: — споминáтїме».

Товкáчъ ходївъ до кўма, зъ кўмомъ до пїсаря: »Чи не мόжно сёгό миновáти?»

— Не мόжно, — кáже.

«Нехáй бўде вόля бόжа».

II.

Ніч якъ день: ясна та тёпла. Місяць високо стоїть надъ леводою. Тіхо.

Хтось идє при місяці, співає:

«Ой сонъ, мати, ой сонъ, мати, сонъ головоньку клонить...»

Товкачєнківъ глосъ; ёго пісня. Лєгко на серці молодій дитині,—лєгко и вєсело.

Семєнь порівняєсь съ Солошиною хатою. У садку, підъ черешнею, щось стояло коло самої ліси.

— Се ти, Кáтре?

— Я, — каже.

— Добрівечіръ. Кого виглядаєшь?

— Се я такъ,—нікого... Мотря казала—прийде...

А сама почервоніла. Семєнь ставъ передъ дівчиною.

— Кáтре,—почавъ Товкачєнко, та й забувъ що думавъ сказати... «Кáтрє...»

Кáтря мовчить. Семєнь одчинивъ двєрці и ввійшовъ у горóдчикъ.

— Я... ти вийдешъ сєгóдні на ўлицю?

— Ні, вь мєне голова болить,—каже Кáтря.

Семєнь глянувъ їй пріємо у вічі. Кáтря рукавомъ закрилась. Товкачєнко хотівъ узятъ її за руку—не посмівъ, и вернуєсь на ўлицю.

— Я піду додому.

— Постривай! Я чула... Люде казали, що у восєні хлопцівъ у москалі братимуть.

— Братимуть,—каже,—и мєнє візьмуть.

Жаль стало Семєна. Отяжали слізьми очіці у Кáтрі... Вона хотіла щось промовить... Семєнь тихєнько узавъ її за руку. Кáтря стоїть якъ укóпана.

— А ти за мною тужитимешъ?

— Тужитиму.

— И по Андрієві тужитимешъ?

Кáтря мовчить.

— Прощай, Кáтре.

Кáтря заплакала.

— Хибá тобі мєнє жаль?

Кáтря мовчить.

— Не жаль?

— Жаль!

И ще дужче вона заплакала. Семєнь обнявъ її рукою коло стáну. Кáтрия одвелá ёго рúку.

— Пусти мене,—я пійдú.

— Кáтре, постривáй, не втіáй такъ скóро.

Вінъ узявъ її за руку. Кáтрия зновъ почервоніла якъ макъ. Товкачєнко стоявъ мовъ несамовітій.

— Кáтре!

Кáтрия тільки глянула на ёго. Товкачєнко нахилився и тихєсєнько поцілувавъ її у гóлову.—А вона, мовъ тая дитіна, пригорнúлась до Семєна, хотіла дє-що сказáти — склепилися устá дитячі; обхопила ручєнятами ёго шию, крѣпко-крѣпко поцілувала — и якъ боже-вільна побігла у хáту.

Товкачєнко прикипівъ на мѣстѣ,—не побігъ за нєю. Вінъ самъ не тáмивъ, щó зъ нимъ робилось.

Ту нїчъ на úлицѣ не бáчили Семєна, не було й Катрі.

III.

— Старій!

— А гóу?...

— Чи Семєну-пакъ бóде гóдівъ зъ двáдцять?

— А тóжъ!—розмовляли поміжъ сєбе Товкáчъ сь Товкачїхою, у неділю сидючи за ворїтьми на прїзбї. А дáлі внять оббє змóвкли. Товкáчъ сидить та палчкою по пїскú пїше.

— Старій!

— А гóу!

— Щó я тобі казáтиму...

— А нужъ...

— Чи не часъ вже намъ Семєна одружити?

— А щó сь тóго?

— Щó! хибá вінъ не такий якъ усї лóдє?

— Звїсно, що не такий. Не те ёму одвіку написано. Семєнко — нєкруть.—Хибá кому дúрно свѣтъ завязáти? шкодá!... нехáй Богъ борóнить...

— Та дєжъ—такї вїдано, щобъ дитіна до двáдцятї лїть дружини не мáла?

— Ні, старá, гріхъ одъ Бóга, гріхъ и одъ людéй: утопити дівчину мóжно, та я́къ-то на тiмъ свiтi держáтимешъ одвiтъ передъ Бóгомъ.. Семéнкові зъ рóду-вiку тáка дóля вiпала, а чужу дитину страхъ зарiзати... Такá мой думка.

Товкачiха вáжко зiтхну́ла.

— И хлопця́ жаль, — промóвила старá: — бiдна дитина що-дня вбивáється, и Кáтря плаче.

— Кáтря?

— Та Солохiвна жъ, Ивáнівни дочкá... Сóхне, и мáтиръ сýше.

— А нашъ?

— И нашъ тежъ сáме: хочъ у пéкло, каже, та зъ Кáтрею. Старá перехрестiлась.

Товкачъ дóвго сидiвъ смýтний-невесéлий.

IV.

Судили-рядили Товкачi помiжъ себе, гадали и се и те, казали Семéнкові, щобъ подумавъ—не губивъ дiвчини... Уже старий и сюди й туди умомъ роскидувавъ, и до пан'отця ходивъ, чи не розсудить ёго Пiсьмомъ Святимъ да розумнимъ слóвомъ, нави́дувавсь и до бабусi Зáтирки, — такъ ни́що не допомогло. «Коли́,» ка́же, «менé не ожéните, самъ на себе рýки пiдiймóу, бо менi за-одно пропадáти.» — Старий Товкачъ и погрози́всь би на сiна, мóже бъ то дéчимъ и поляка́въ ёго, та самóму жаль бу́ло хлопця. О́пé часомъ якъ побáче iхъ у-рýпи на ўлицi, почуе́ якъ Кáтря шебече, — пiдбiжить до Товкачевоi призьби, любéнько поздорóвкаєтця — «живе́ньки-здорове́ньки дiдусю зъ бабúсею,» — то Товкачéви й рýки опустятця. А ще до тóго й старá про́світку ёмý не давáла: стóгне та плаче, та на свою дóлю на́рікае, що ажъ нудьгá взяла чоловiка, свiтъ ёмý немiлий, и óчi нi на що бъ не дивiлись. Ино́дi грiмне на не́й, а дáли мерщiй за шáпку, та й пiйде до кóма тóгу розважáти. Чогó-то вже вони не перебáлакають, сидючи собi у холодо́чку пiдъ по́віткою: и якъ-то тепéрички усé на свiтi дiетця не по бóжому, и якъ-то вáжко стáло чоловiковi хлiбъ заробляти.... и чимáло дé-чого бу́ло згадáють та недóбримъ слóвомъ помья́нуть. О́то вонó нáче трóхи й полéгша пiсля такóй розмóви, бо се такi вонó бачъ лучáєтця, що коли́ вже чоловiковi не-въ-силу тяжкá дóля тра́питця, то якъ побáче,

що й кругомъ ёго кожде зъ своїмъ лихомъ, якъ москаль зъ оріжжямъ, бідкається, що кожному той хлібъ гіркий та свій панъ важкий, — то ніби й те лишенько не такє досадне буде и геть-геть відъ сёрця одкóтитця.

Оцє такъ якось верну́всь старій одъ кума, та й ка́же: «Поси-
ла́ймо, жінко, старості до Соло́шихи, — хай Семє́нко хочъ ро́ківъ
зо-два поживє чоловікомъ, поки ёго у некрути не взято; а тамъ —
щó Богъ дасть, — Ё́го свята во́ля.»

По́слано. Старості верну́лись зъ рушника́ми. — «Ті́лько, — ка-
жу́ть, — стара́ Їва́нівна дуже вбива́лась.»

А Товга́ч и ка́же: «Щó-то вже ті ба́би пова́дні пла́кати! Ото́
й мо́й — скі́льки тижні́въ очі те́рла та хліпала, що Семє́нко ба́йдики
бивъ, а тепе́рь обидві, и мо́й й Соло́шиха, роспусти́лись, що діте́й
до-ку́пи звелі́!»

А кумъ: «Оцє, якъ́би сві́тъ та на жі́нкахъ сто́явъ,» — ка́же, —
«то́ бъ чу́дасія ви́йшла!»

Ні вь ко́го жь-то такъ я́сно та те́пло на душі не бу́ло, якъ
у Ка́трі. Мовъ та́я ясочка диві́лась вона́ вь ві́чі старі́й не́ньці, роз-
важа́ла іі́ ту́гу щебетання́мъ щі́римъ, любо́ю ла́скою дитячо́ю.

— Ма́мочко мо́я рідна, не́не мо́я любая! не пла́чте, не жу-
рі́тця, ма́мо.

— Якъ ми́ні, доню, не пла́кати? Бо́літь моє́ се́рденько, — тимъ
и пла́чу.

— Ма́мо! якъ́-би ви зна́ли ёго, — мо́го Семє́ночка, — якъ́-би ви
ті́лько зна́ли!!

— Зна́ю ё́го, дити́но мо́я, зна́ю, се́рденько.

— Ні, ма́мочко, ні, мо́я зозу́ленько! не то́го Семє́нка ви зна́єте...

— Го́ді, до́чко, го́ді-бо.

— А хи́ба жь, ма́мо, вінъ не га́рний?

— Та га́рний (ка́же), га́рний.

— То́то жь, ма́мо, я ка́зала...

— Яка́ ти ду́рна, Ка́трю́сю, — ка́же Соло́шиха.

Ото́ ма́ти на́че тро́хи й повеселі́шала, пригорну́ла до се́бе ди-
ти́ну свою́ любóу, щі́ро поці́лува́ла й перехри́стила. — Ка́тря ху-
те́нько побі́гла до кі́мнати, зачині́лась тамъ, щóбъ іі́ ма́ти не ба-
чила, оді́мкну́ла мале́вану скрі́ню, и ста́ла вбі́ратись та ря́дитись,
мовъ на Вели́кь-де́нь: и те примі́ряє — скі́не, и дру́ге наді́не, — по-
дивитця, та зно́вь скі́не, — бу́цімъ ма́ла дити́на ця́цкaми грає́тця, —

ажъ втомилась: личко їй розкраснілось якъ макъ у горбді, очіці мовъ зіронькі сяють. Тамъ кинулось до дзеркальця, що ще мати молодію біля віконця вмазала, подивилась, осміхнулась, — та й засоромилась... «Яка я гарна... Семénко правду каже.» — А далі, дурна дитина, заразъ и засмутилась, зітхнула тяженько-тяженько — и головку повісила. Чогось страшно їй стало після такбїрадости, защемило коло серденька, мовъ вонó що недóбре віщувало. Катря мершій на-вкóлюшки, мóлитця — самá не знає про щó, та ажъ заплакала сердешна дитина. Чи молилась вонá, чи тákъ, бідна, плакала, — тільки чути бóло — шептáла: «Мáти Бóжа! нехáй не берóуть у москалі мого Семénка...»

Коли ось увійшла мати — зиркъ, ажъ дочка вже плаче. Хитає старá головою, та:

— «Дурна, дурна дитина,» каже. — «Не плачъ, дóню: такихъ якъ оцє ти, безневиннихъ дітєй, самъ Госпóдь доглядає.»

V.

Справили весілля. Катря молодіцею стала — и якá-то вже гарна молодічка була!

Любивъ її Семénъ надъ бáтька и нєньку; любила й вонá Семéна бiльшъ усєго на світі. И щó-то вже, Бóже, за кохáння булó!

Не минóло ще либóнь такъ и піврóку, якъ отъ прийшла зъ Мòскви бумага: «Очередний набóръ трєба призвести.»

И призвели.

Семénъ Товкачєнко бувъ на очереди. — «Твой чєрга, Пилиповичу,» каже десáтний Товкачєв: «благослові,» каже, «сина...» И Семéна привели, — узали дєсь сь поля — оравъ зъ братáми.

— Благословіть, панóче.

Благословивъ .. піднялась рукá! — — —

Забряжчáли важкі кайдáни у хáті: закувáли Семénка.

Стоить бáтько середъ хáти, а самъ бiлий, бiлий, якъ крєйда. Вáжко єму нá серці, тákъ вáжко, тákъ вáжко — оди́нь Богъ знає. Не сподівáвсь на остáнку лiтъ дiждáтись сєго. — — —

— Бóже милостивий, — каже, — та й заплакавъ, — старий бáтько заплакавъ!

У-перше Семєнъ побачивъ, якъ батько плаче... Світъ ёму наче туманомъ заволокло, ніби темно у очахъ стало, ноги ёму затрусились. Семєнъ перехрестивсь, та: «Тату, каже, не вбивайтесь».

— Бóга ви не боїтесь, Пилиповичу, — озвався кумъ, бо и въ ёго серце надривалось, дивлячись на такий сумъ та слёзи.

А Товгачъ мовъ нічого не чує й не бачить: стоїть, пону́ривсь сивою головою, а слёзи ёму, одна за другою, якъ грядъ на помість капають. А далі й промовивъ: «Дежъ,» каже, «мати та Катря? Вони може й не знають, що въ насъ рóбитця.»

Катрі такі не було домá—пішла до матері навідаться; старóй тежъ не видно у господі. Може й справді нічого не знають.

Отъ и каже десятникъ: «Чи не часъ бувá, Пилиповичу, до кантори рушáти, — а то начáлство гніватиметься. Чуєте бо, Пилиповичу?»

Пилиповичъ ні пари зъ устъ.

А той: «Ходіть,» каже, «пан'óче: мо́же бувá зайдете до цéркви — помóлитесь». — Шкода́! — озвався Семєнъ.

А батько ніби прокинувся та й каже: «Схаменісь, сінку. Не гніви́ Бога: тепе́рь твоя моли́тва дохóдніша до Гóспода.

Отъ и пійшли до цéркви — а лю́де дівля́тця, та пла́чуть, идучи́ за ними слі́дкомъ. — Іду́ть такъ, та пла́чуть, — коли́ якъ закрича́ть: «Ли́шенько жъ на́ше! то Катря бі́жить...» А вона́, Бо́же мій ми́лий! бі́жить якъ несамо́віта, мовъ ні́чого не бачить и не чу́є. Лю́де розступі́лись. Вона́ до Семє́нка, та та́къ и повисла въ ёго на ши́й, такъ и обомлі́ла, и не пла́че — хочъ би то́бі слі́зіночка. — Ві́нь сто́їть та тру́ситця, а самъ бі́лий-бі́лий, якъ мертве́ць.

— Катре, — каже...

— Охъ, Семє́ночку! те́бе беру́ть!

— Беру́ть, ма́тинко, — каже, та й обня́в її, а вона́ запла́кала, да та́къ же гі́рко да невті́шно, що Гóсподи! На щó вже старі́й де́сятникъ — не одну́ дити́ну на свої́мъ ві́ку довелось оді́рвати одъ ма́тері, — и той сто́їть та кулако́мъ слёзи вти́рає: «Оце, га́спидська мұ́ха», каже: «я́къже жъ жа́лко куса́ється!» — а въ са́мого слёзи тілько́ капъ, капъ, — де́сь вра́жа мұ́ха са́ме за о́ко вкусі́ла...

Катря жъ, зна́й, пла́че та обні́має Семє́на. А тамъ незаба́ромъ и де́-які́ жіно́чкі заголосі́ли, а за ними ді́ти — то та́кий пла́чъ підня́вся, що ажъ сү́мно ста́ло.

Семенъ и каже, якое гірко всміхаючись: «Не плачъ, Катре,— салдátkою будешъ».

Такъ ёго й привели до кантóri.

VI.

А скілько-то тамъ було такихъже, якъ отó Семенко, вянiвiвъ; який-то тамъ, гóмiнъ та гáлaсь, старé й малé, матерi та дiти,— плачъ та сумъ такий, що Гóсподи! И нiхтó жъ то такъ не плакавъ, якъ тi матерi. Молодé поплаче да й втiшитця, бо ёму ще надiя зостáлась: «Хочъ калiкою колисъ, на дерев'янци», думае, «вёрнетця до насъ рóкiвъ черезъ двáдцять, то все-такi побáчимо»,— а старóму—дé вже пережити ci двáдцять лiтъ? Тимъ и вбивáютьця такъ матерi, тимъ и плачуть.

Чи скiльки тамъ тiжнiвъ зоставáлись дóма новобранцi, а трéба було рушáти до гóрода. Припасли грóшей оддáтки. Пошiли хлопцямъ кожухи новi, тёплi, а дé-якi й нáнкою або китáйкою крiтi; перев'язали ихъ стрiчками та хустицями червóними,—да такъ, у пáхмурний да холóдний осiнний день, и стáли випровожáти. —Що Бóже мiй! скiльки мiру рúшило провóдити ихъ та попрощáтись геть за слободою, бо у кóжного було своé, котрэ йшло у дáльню незнаému сторóну. За батькáми та матерьми усá дiтворá висипала. Однó кричiтъ: «дiдiнька! якъ будешъ салдáтомъ, принёсь мишi яблучка;» дрóге:—«братiку, вертáйся якъ Рiздвú або къ Великодню: у насъ тогдi корóва отéлетця и молочкó бóде;» трéте—«Васiлечку! зарiжъ скорiйшъ Тóрка та прихóдь хúтко додóму, щобъ мáти не плакала.»

А матерi плачуть, плачуть!

А новобранцi, дé-якi молодшi, котóри нiчóго, окрiмъ дiвчáтъ, не зоставляли на родiнi, йдуть попереду та гóлосно, гóлосно спiвáють:

Ой Бóже мiй, Бóже, на щó я вродiвся?

Кiнь вороний, самъ молодий, та ще не женiвся!

Трéба менi, дiвчино, мáтерi спитáти:

Чи звелiтъ мáти коня продавáти?—

Не звелiла мáти коня продавáти,

Та звелiла мáти въ похóдь виступáти...

А матерi такъ до нiгъ и припадáють та голóсять, мовъ у домовiну синiвъ опускáють. И дiвчáта змóвели — не хихiкають: одна

буцимъ по дядині тужить, що торікъ вмерла; у другої очіці красні —сусідиної тітки жалко. А некрути глосно, та жалібно співають:

Иді, сїну, за ріднее браття,—
Дадуть тобі, сїну, салдацькеє плаття;
Иді, сїну, за рідну дитїну,
Дадуть тобі, сїну, салдацьку ружїну;
Иді, сїну, за рідну сестріцю,
Дадуть тобі, сїну, салдацьку мунїцю.

А якъ вийшли геть за слободу та зблизжились до «прощальної могили» (бо у тиї могили кожде було прощаетця зъ родичами, якъ коли виряжають хлопцівъ у присутствїє, або хто їде въ городъ у судахъ тягатьця),—якъ зблизжились до тїї могили, помолїлись, стали опрощення братъ,—то вже ніби й плачъ не чути було,—така смута та жаль міжъ наро́домъ стала, що Мати Б́ожа!

Попростїлись. Де-які пїйшли зъ хлопцями до ѓорodu, а другї верну́лись до́дому.

У слободі такъ-то с́умно та невесело ста́ло,—хочъ и не чути вже того́ плачу́.

Ка́тря пїйшла за Се́мено́мъ.

VII.

И поповешталась же серде́шна Ка́тря, чу́жі поро́ги оббива́ючи та свою до́лю гірку проклина́ючи.

Сказа́ли Се́менкові «лобъ», и ста́ла Ка́тря салда́ткою.

Що-ра́нку ході́ла вона́ диві́тись наму́штру, не такъ на ту му́штру, якъ на Се́менка, и нема́ло ї́ї се́рденько перебо́ліло, дивля́чїсь на се муштрован́ня— та́ка му́ка,—здавало́сь ї́й,—що боро́ни́ Бо́же!—Оце́ постанова́ють і́хъ ла́вою, а вони́, соко́лики, сто́ять не жи́ві, не мертві́. Ото́ старши́й и почне́ і́хъ рівня́ти,—а самъ се́рдїти́й, розсе́рдїти́й та стра́шний. Го́споди, поки-то на́вчять і́хъ ході́ти помоско́вські —щобъ-то ї́ рука́ми не маха́ти и підъ но́ги не диві́тись!

Се́менові Товка́ченкову (се́ бачъ Товка́ченко ставъ Товка́ченковимъ) да́въ Бо́гъ гру́ди високі́,—то́ оце́ коли́ старши́й порівня́є моска́лівъ, самъ и за́йде зъ бо́ку, диві́тця, та бу́ло оце́ й кри́кне: «Товка́ченковъ! хова́й гру́ди... фла́нго́вого не ві́дно»,—той и посу́питця наза́дъ, щобъ груде́й не бу́ло ві́дно, та такъ и го́лову нехі́ть схова́ за дру́гого. А той зновъ: «Пода́й», гука́, «го́лову до лі́нії!»—пода́сть го́лову, а гру́ди собі в́пять упе́редъ ви́лізуть.

Якось разъ вінъ дуже сілно розлютовавсь, — такъ, що й не приведи Господи! Різівъ шість зачинавъ мұштру, рівнявъ плечі та випрямлювавъ нѳги, а далі принявъ упя́ть за Семѳнови гру́ди — ажъ скавучи́ть. Що Бо́же мій милостивий! — — — Сердѳшний Семѳнъ не встоявъ на ногáхъ, упáвъ...

Кáтря якъ кинетця туді, якъ заголѳсить: «Пáночку-голѳбчику!»

А вінъ и зопинивсь, та: «Хто сміє нарушáти порядѳкъ? Чѳго тобі трѳба?» питаѳється.

— Семѳночку... се мій Семѳнко! — ка́же вона, гірко пла́чучи.

— Се твій мужи́къ? — зновъ питаѳється, а въ самого́ б́чи такъ и загорілись, якъ у котá на сáло.

— Мій, пáночку.

Той н́би трѳхи втихомі́ривсь, та й ка́же: «Не плачъ, дѳшенька...»

Кáтря ѳму́ въ нѳги: «Спаси́бі,» ка́же, «пáночку;» а той підня́въ її, та й за́казавъ удру́ге клáнятись. «Ко́лі,» ка́же, «твій чоло́вікъ слѳхатиме мұштри, то й клáнятись не трѳба, бо я та́кий же чоло́вікъ, якъ и ти».

Кáтря подивилась на ѳго, та й ні́чого не сказа́ла.

А Семѳнъ стои́ть блі́дий-бл́дий.

VIII.

Перебу́ли вони́ такъ ти́жнівъ сь п'ять чи шість у то́му го́роді, та б́цїмъ трѳхи й по́приві́гли, — тілько́ ча́сто зга́дували про сві́й рідъ и слѳбоду, де росли́ й люби́лись, де ко́жне їхъ зна́ло и ко́жного вони́ зна́ли. Ча́сомъ бу́ло потѳжять, потѳжять, а Кáтря й по́плаче ни́шкомъ, — то Семѳнъ її розва́жає, абѳ вона ѳго́, якъ ко́лі при́йде зъ мұштри смѳтний та невесѳлий. Кáтря на́че трѳхи зъ ли́чка спа́ла, а все жъ та́кі бу́ла га́рна-розга́рна, — їй и Семѳну на го́ре....

Одно́го ра́зу, на́дъ вечі́ръ, сидя́ть вони́ собі́ дві́йго́ та-та́кі жу́ратця, ко́лі у ха́ту ввійшо́въ де́ньщи́къ, зви́чайно помо́ливсь та й по́збавъ Кáтрю соро́чки п'яти.

До́вго одмовля́лась Кáтря, ка́зала, що не зду́жає й не вміє, а той приста́въ, и мани́ть та й мани́ть її. Пішла сердѳшна. «Тілько́, бу́дь ласко́ва, мото́рнішъ одяга́йсь,» до́давъ.

Одяга́ється Кáтря, а у само́ї рѳки й нѳги тру́сятця. Семѳнъ мов-

чить, не сміє й дихнути, а коло серця мовъ отру́тою палить-такъ ва́жко!

Одяглась Кáтря, попрощалась зъ Семёномъ а сама́ холо́дна-холо́дна... Семёнъ ледве промовивъ: «швидче, любко, вертайся,» та й сівъ на лавку, мовъ після тяжкої праці заслабъ.

Переждавши такъ чимало, посумовавши, бачить—не йде Кáтря; погодивъ ще тро́хи—нема́, мовъ у воду впала. Вінъ и пішовъ такъ якъ би сұпроти півночі: «може,» думає, «чи не зустріну де на дорозі. Вийшовъ на ули́цю—те́мно, холо́дно. Сухий та різкий вітрець де-не-де сніжокъ по дорозі зриває та кру́тить, а ні душі людської не чути, тільки ніби бо́-зна звідки по вітру доно́сить, якъ еоба́ка у-ночі га́вкне. Городо́къ ма́ленький — усе спить. У-горі ні хма́рки, ані місяця,—тільки зі́рочки да́леко у не́бі бли́мають: Візъ ставъ сұпроти́півночі; надъ ха́тами *Ченіа* ви́яснилась.

Сумно у холо́дну нічъ одному́ на ули́ці та ще вь ко́го журба́ леку́ча. Усю́ди ти́хо якъ у домови́ні, такъ ти́хо, що чу́ти, якъ се́рце ко́лотить. До́вго сто́явъ вінъ на ули́ці якъ знаві́сний; де́сь, на це́ркви, го́динникъ про́дзвонивъ пе́рву го́дину, — а Катрі нема́ та й нема́. Ажъ о́страхъ обня́в Семёна.

«А мо́же вона́ до́ма,—менé до́жидає,» - дү́ма Семенъ, — та мерщій й по́бігъ до се́бе на ква́тирю.

Ні, не верта́лась Кáтря!.. Такъ и нічъ пере́йшла.

У-до́світку вже верну́лась вона́, та на Семёна й очей не зве́де,—упа́ла на сті́лъ—а сама́ пла́че-пла́че....

IX.

Са́ме підъ Різдво́ ка́зано новобра́нцямъ у похóдъ виступа́ти. Дали́ имъ казё́нну одёжу — одя́гли й обу́ли якъ слі́дъ велі́ть. Сі́рі шапо́чки й свито́чки та абі́-які чо́бітки — бо́-зна-що, ка́же Кáтря: и холо́дно и ў́зько, и ма́ло й ко́ротно.

Нала́годились у до́рогу й Товка́чєнки, а самі́ якъ у воду впу́щені: де́-то дива́лися Кáтрини жа́рти й смі́хи, ско́ки та співа́ння? Усе́ мовчи́ть, ненáче іі́ заворóжено. И Семёнъ ставъ не той, яки́мъ ко́лись ё́го лю́де зазна́ли, а найгі́ршъ сь то́го ча́су зажу́ривсь.

Зібра́ли сво́ю худібо́ньку — соро́чечкі, та хусточкі, незбі́лшъ то́го якъ у за́йвого ці́гана; помо́лились, написа́ли листъ до своі́хъ у

слободу, що оттакъ и такъ, тату та мамо, виходимо до війська, — та й рúшили ранкомъ изъ гóрода. Завирюха така, що й світу бóжого не видно... Якъ-то вже перемáялись вони цілий день, а на́дъ вечіръ підъ Рíздвó, сáме тоді, якъ кутя стоїть на по́куті, сінце́мъ обло́жена, — увійшли вь́ якесь лю́дне та багáте село́, що на шляху стояло. Розвели салдáтівъ по двóрахъ, и нáшихъ постановили до якíхъ-сь дóбрихъ, богобóйнихъ лю́дeй: — що-то вже за щíра та прíязна сiмья!

Привітали Кáтрю якъ рíдну дитíну и до Семéна були такі-то ласкáві та дóбрі: не знáють, кудí й поса́дити, якiмъ слóвомъ рос-питáти.

— Та якá жь́ молодéнька!» кáже старá бабúся: «звiдки, дóбрі лю́де?» пита́етця.

— Зъ Улáсівки, бабúсю,» кáже Кáтря.

— Чúла, чúла про Улáсівку, моя рíбко. — А далеко!

— Далéко, бабúсе.

— А се твiй чоловiкъ?» друге пита́етця.

— Чоловiкъ, тiточко.

— Охъ, лiхо, лiхо,» кáже бабúся: — «здалéка: та якiжъ-то ще молодéнькi оббe. Отъ и вь́ мене Ївáсичокъ дeсь на чужинi бiд-каетця: рóкiвъ зо три вiсточки одъ ёго нема́емо.... охъ, лихо, лихо! А то дe-коли булó й пiше, — пла́четця на насъ, що оддали. Та якъ ёго не оддасi, коли панъ велiть? Се вже такъ намъ, чóрнимъ лю́дямъ, дeсь на роду на́писано, щобъ чужi слéзи ковтáти.

— «Про сe й я такъ, бабúсе, дúмаю,» кáже Кáтря: «та нiчимъ пособiти.»

— Нiчимъ, моя рíбко, нiчимъ, бо такъ вонó зрóду-вiку ведeтця. — — — Усe отъ Бóга, моя рíбко, — нiхтó ёго писáння не змiнить. — Отъ хибá чи не...

— А дiтeй, бабúсю, нiхто жь́ не iсть?» пита́етця малéнький хлóпчикъ, лiть шeстi, що сидiв собi у за́пiчку та слúхавъ, якъ бабúся розмовляла зъ молодiцею. — «Аджe-жъ лю́дeй, бабúсю, не iдять?»

— Нi, моe дiтятко, не iдять лю́дeй; а коли дитiна неслухняна, то зáразъ ягá-баба у стúпку поса́дить.

Хлóпчикъ сховáвся ще дальшъ у за́пiчокъ. А бáба зновъ за свое:

— Охъ, лiхо, лiхо,» кáже: «оцe ми усe жúримось, що Ївасъ

давно не писавъ. Дѣ вінъ, що зъ нимъ, нічого не знаємо; може хворий де-небудь лежить, або на війні вбито, то й поховати нікому.... А чомъже ми своїхъ любихъ гостей не нагодимо? Часъ вже вечеряти и кутю на стілѣ ставити.

Повечеряли. Горліва бабуса, якъ матінка рідна, годила дорогимъ гостямъ — «и сего поїжте, и того покоштуйте,» — тільки й чути, якъ старя лепече.

Скоро дівора полягала спать, а Семѣнь зъ мужиками вийшовъ у другу хату опочити; невістки посідали за гребні куделю прядти и старя зъ Катрею коло їхъ притулилась.... И довго ще чути було, якъ веретѣна у хаті сюрчали, а бабуса зъ Катрею тихенько базикала та здихала. А на дворі метѣ та сіпле такѣ, що Мати Божа!

— Охъ, лихо, лихо,» каже бабуса: «се бъ то мені, молодице, здаѣтця, що твого чоловіка журба сущить: десь тужить сердешний по батькові-матері.

— Такъ-то тужить, бабусенько, що дивитись на ёго — такъ уся душа переболить.... Отъ и въ мене зосталась старя матінка, одна якъ перстѣ, а все жъ то бупимъ я не стаъ жалкую та вбиваюсь: оце коли дуже тяжко стане на серці, помолюсь, поплачу, то ніби й полѣгшає. А вінъ усѣ журитця, усѣ журитця.

— О, лихо, лихо!» каже старя, зітхнувши: «якъ-то чудно оце на божому світі ведѣтця, коли подивлюсь. Люде-то хочъ и кажутъ, що у старовину було лѣчче жити — ні, не вірь, моя дитино: отъ ужѣ дев'ятий десятокъ очами на божий світъ блімаю, а мені здаѣтця, що вінъ усѣ такий. «Батькі,» кажутъ, «плакали у жмѣню, а діти—пригоршнями; батьківъ бито стоячи, а дітокъ и въ-лѣжку бють...» Охъ, лихо, лихо... Та може я тебе втомила, молодичко: ти бъ спочила трѣхи, бо може за́втра васъ погонять, и не розговієтесь.

— «Спасибі вамъ, бабусенько, за вашу ласку,» сказала на се Катря, помолілась и лягла спати.... та щось довго не спалось. Добрі люде та їхъ щира ласка збудили Катрине горе. Усѣ тоді згадалось — и старя мати, садокъ коло хатки, и весіння нічъ, її дівованнячко, весілля, и мұштра.... Господи, такъ и згоріла, якъ згадала ёго...

X.

Чи довго, чи коротко вони там плентались по білому світу, сього не скажучь, — може років зо три й буде; тільки Семёнъ скоро Богу душу оддавъ: усё кашлявъ та хорівъ, до-того звівсь, що було на муштрі й ружиною не здужає брязнути. Усё ёму щось у грудях боліло. Було лікарі й лічать, и мятою наповають, и бузиною, и липовимъ цвітомъ, такъ ніщо не помогло. Кашлявъ, кашлявъ, та такъ весною объ тёплову Олексієві и поховали ёго. Тимъ часомъ, тиждень за чотіри до ёго смерті, Катря привелá дитину, — хлопчика Богъ давъ. А якъ умеръ Семёнъ, то вона й загадала вернутись додому. Узяла свого Пилипка, обгорнула свитиною, та саме у великбдну субботу и вийшла ранкомъ изъ гóрода, де їх полкъ стоявъ.

День бувъ тёплий та ясний. Травка чи встала-то й витгнутись изъ землі, а вже степъ зеленівъ, и верби набростились. Надъ шляхомъ, високо, якъ паўкъ, снує жайворонокъ, весну стрічає, гнізда підъ билиною шукає. Сónце такъ гріє, що буцимъ видно, якъ травка сама до ёго тягнетця зъ вохкої землі, густіє та могилки вкриває. И Катрі полéгшало.

Чи скільки тамъ вона йшла, а, пóки, ліха не бачила. Сўмно, було, й страшно стане середъ степу; окрúги тільки нéбо, та сónце пече, та могилки стоять по полю розсіпані, а тутъ іноді шляхъ перестрічають другі шляхи, або дорóга розіхдитця, вона й не знає, який шляхъ додому доведё: то, було, постоить, та й візьме на ту дорóгу, яка найбільшъ верне насхідъ сónця, або біжить до якогò близького жилия. Іноді хто перестріне, чи обгóнить, Катря спитає про шляхъ, то було добрі люде й навча́ть. Часомъ бува притóмитця йдучи, сáде собі де-небудь у холодóчку, коли тра́питця, підъ дубомъ коло якої грéбельки, чи біля чумацької криниці, або й такъ вь степу підъ моги́лою, — нагодýє Пили́пка, то й спочине. Ночувала іноді вь подорóжніхъ сéлахъ, а часомъ тра́пилось й у полі вь плугáтирівъ, якъ нічъ середъ степу застigne. И на чужині не безъ добрихъ людéй, певне міжъ прóстими та бідними.

За тиждень добрелá Катря до якогòсь незна́мого гóрода. Гóродъ великий та гáрний. Ще звідки чути було, якъ по церквáхъ у дзвони дзвонили, бо вечі́рня слúжба йшла. Увійшла Катері́на вь гóродъ,

та й сама не знає, де їй дітись, бо тимъ часомъ смеркалось. Вона до якоїсь маленької хатки — підійшла, та чуже що гомонять, и каже:

— Помагайбі, люде добрі: пустіть странну у хату переночувати.»

— А ти хто така?» питаютьця.

— «Салдатка,» каже: «мій чоловік умеръ, то я оце зъ дитиною додому йду.»

— «Э, шкода,» кажуть: — «салдатка, та ще десь зъ байстріямъ?»

— «Ні, люде добрі,» каже Катеріна, та й засоромилась, а вь самій на серці стало тяжко-тяжко, що Господи!

— «Знаємо ми,» кажуть, «тихъ салдатокъ, які вони есть. Иди геть одъ нашихъ віконъ.»

Пішла Катеріна одъ тихъ віконъ, слёзи ковтаючи, — та до друзіхъ:

— «Добривечіръ,» каже, «люде добрі: чи не пустите христовимъ ім'ямъ убогу переночувати?»

— А звідки ти, молодіце?» питаютьця. Та якъ почули, що вона салдатка, то заразъ и обізвали негójимъ слівомъ, урікаючи, що вона зъ себе вродлива та чорнява, та ще й молоденька. — «Иди собі, любко,» кажуть, «до іншихъ.»

Нічого не сказала Катеріна, — тільки більшъ уже до віконъ и не підходила. Треба було десь підъ тінномъ ночувати — и переночувала: такъ, зъ дитиною на рукахъ, и заснула.

XI.

Сказано: «На кого люде гомонять, на того й свині хрюкають.» Такъ и Катрі. Не встигла вона очі протерти, якъ ось иде по улиці чоловічокъ, самъ мерзений, мідяні гудзики, на шапці бляшка зъ доброго семигрівеного. Пізнала Катря, що воно такє є, та дуже злякалась, бо чувала одъ людей про якихъс гайдамаківъ, що по судахъ пішуть та людей до смерти записують, — а се жъ вінъ и бувъ.

— Якого біса ти тутъ по-підъ тинню валяєся? «Що ти такє есть?» питає її.

— Я салдатка, пане; йду зъ дитиною на свою сторону.» А сама боїтця, що Господи!

— Салдатка... гмъ... а білетъ маєшь!

— «И білѣть, пане, маю,» каже.

— А кѣ ёго сюді: — подивлюсь, чи твій то білѣть?»

Подала ёму Кятря білѣть, а у самоі рѹки й нѹги трѹсятця — такъ-то бѹязно. — Ставъ вінъ той білѣть прочітувати, а самъ усѣ на неі очіма скідє та щось собі шѣпче: «росту середнѣго,» каже: — «таакъ, невеличка;» «вѹлоси темнорѹсии: — «таакъ, чорнѣва й гърна;» підборѹдокъ крѹглий: — гмъ, не дѹже крѹглий!... Та се не твій білѣть,» каже: «ти ёго вкрала.»

Кятря ажъ похолѹнула. «Ні, паночку,» каже: — «нехай мене Богъ убѣе, коли я ёго вкрала. Се мій.

— Шкодѣ,» каже: «тутъ прописано, що підборѹдокъ крѹглий, а въ тебе гѹстрий, — га?

— Нїть-бо, паночку: далѣбі я не вкрала. Оцѣ я схудала трѹхи, висохла, тимъ и борода гѹстра стала.»

— Овва! висохла... такъ би й прописано булѹ, що висохла; а тѹ бачъ пише — крѹгла. — Ти, я бачу, бродѣга, безъ письменного виду. Тебѣ въ турмѹ трѣба посадити.»

У Кятрі рѹки й нѹги однялись, побіліла, якъ ряднѹ, стоїть и очей не зведѣ. А той и каже: «Жалко мені тебѣ, молодїце, отъ якъ Богъ свѣть жалко, — та щѹ маю робити! Слѹжба — свѣтѣ діло. Отъ колибъ у тебѣ булі грѹши, то я бѹ попрохавъ нача́лство, щобъ тебѣ у турмѹ не садовїли.»

— Охъ, паночку! а скїльки нача́лству трѣба? мѹже въ мене й достане.

— Та скїльки? — такї й нема́ло. Якъ би ти була безъ дитїни... а тѹ й цїлѹвого на́малї. Слѹжба — свѣтѣ діло... Хибѣ цїлѹвого та семигрївенного. Кѣ сюді цїлѹвого та семигрївенного: — я дѹбрїй чоловікъ, обороню тебѣ передъ нача́лствомъ.»

У Кятрі й на душі полѣгшало, що дѹброго чоловіка знайшла, — зара́зъ ёмѹ у нѹги. «Спасибї вамъ», каже, «паночку, за ва́шу ла́ску». Вітрусила изъ калїточки того цїлѹвого, знайшовсь и семигрївенний. А той — такий дѹбрїй, та щїрий, — узявъ та ще й дякує: «спасибї тобі», каже, «молодїце: тепѣръ иди зъ Бѹгомъ, та нїчѹго не бїйся».

— Чимъ же васъ, паночку, дяковати?» питаєтця Кятря.

— Мене Богъ наградить, той каже. Съ тимъ и повїявсь собі геть по ўлицї.

Перехрестилась Кятря, и пішла своєю дорогою: «Отъ же», думає: «и въ городі знайшлась душа щіра та богобоязна. Якъби більшъ такихъ...» А їхъ и такъ доволі...

ХІІ.

Довго йшла Кятря, бо не близько була та Уласівка. Притоміла ніженьки білі; натерпілась ліха й сорому, а більшъ тимъ, що була салдатка, та Бога боялась.

Коли якось уранці забованила геть-геть въ степу «прощальна могила», замиготіли въ очахъ хаткі білі й зелені верби знаємі. Се жъ и була Уласівка.

Згадала Катеріна про Семєна, и гірко заплакала.

Дійшла отó вона до могили и сіла спочити та дитину погодувати, бо хочъ и близько вже було до Уласівки, та вона дуже втомилась. Коли ось идуть шляхомъ, до Уласівки жъ, якісь перехожі: бабұся, старєнька, а зъ нею дівчина, идуть и поміжъ себе тихєнько розмовляють. Зблизжились до Катеріни и «добридень» сказали.

— Спасібі, люде добрі», каже Кятря: «чи не въ Уласівку Богъ несє?»

— Та въ Уласівку жъ.

Тутъ старá стала пильно придивлятись до Катрі, а далі й каже:

— Колибъ, молодице, не опізнатись оцє на старости літяхъ. Здаєтця мені, що ти Кятря Солохівна, покійної Йванівни дочка?

— Та Солохівна жъ була... А хибá моя мати вмерла?» питаєтця, а у самбі й дитина трóхи зъ рукъ не випала.

— Умерла, дóчко. Отó торікъ, сáме підъ Пречісту, поховáли, нехáй царствє. А якъ по тобі моя голубочка вбивáлась....

Кятря гірко, гірко плакала.

— А дєжъ твій чоловікъ?» питають.

— И Семєна поховáла», каже Катря, а самá плаче, плаче....

— Нехáй ємұ земля перóмъ: тамъ, мóже, лóчче бóде», каже бабұся, и перехрестилась, а дівчина, що була зъ нею, й заплакала. — «Гóді тобі, дóню, плакати, гóді, сєрце.... Се, коли зазнáла, Яструбєнкова дочка: ту вєснұ була засвáтана, а отó у осєні и її женихá узáто до мұштри, тагъ оцє й ходіли у городъ, — я — угóд-

нику помолітись, а вона хлопця навідати. — Охъ, лиха година та нещаслива... Ходімъ, Катрюсю, и ти зъ нами, — вже недалечко. — А сѣжъ твоє?

— Моє, бабўсе.

— А скільки ёму?

— Оце вчѡра третій місяць пішовъ, и Семѣнові вже другий бўде.

Прийшли въ Уласівку. Тяжко стало Катрі, Бѡже, якъ тяжко. Хочъ усе було нїби постарому, и левада съ зелѣними вѣрбами, и ставѡгъ, и липа кучерява биля цѣркви, и той садѡгъ, де упѣрве съ Семѣномъ спізналась, — та на сѣрці вже не по старому: сумъ та жаль такий, що, Господи, якъ вѣжко!

Свѣкірь прийавъ її до себе. Жила вона въ ёго, а все така невесѣла. Товкѣчъ було частѣнько її про Семѣна роспїтує, про мўштру, про звичаї салдѣцьки, про панівъ; а самъ, якъ хмѣра, сўмний, сўмний. Катря було плаче, якъ роскѣзує ёму про все, що бачила, а старий мовчїть, тїльки слўхає та їноді головою хитѣе.

Такъ до смѣрти й остѣлась Катря салдѣткою, а Пилипка діти звали салдѣтенкомъ, и мовъ цурѣлись.

Такий случай!

Д. Мордовцевъ.

1839 р.

ЛИПОВЫЯ ПУЩИ.

Начало романа, найденнаго въ бумагахъ покойнаго
Д. П. Хоречко.

Имя Д. П. Хоречко извѣстно только небольшому кружку его пріятелей, которые любили его за его прямой, искренній характеръ. Никто, однакожъ, не видѣлъ въ немъ автора. Онъ казался намъ любознательнымъ человѣкомъ, умнымъ человѣкомъ, человѣкомъ съ душою—и только. Смерть обнаружила, что онъ готовилъ себя къ литературному поприщу съ тѣмъ уваженіемъ къ своему призванію, которое въ наше время становится рѣдкостью. Въ его бумагахъ найдено много этюдовъ, писанныхъ съ натуры, много плановъ для повѣстей, набросанныхъ въ психологическомъ, внутреннемъ смыслѣ, который для читателей долженъ былъ быть выраженъ пластически. Начатыя имъ повѣсти показываютъ, что онъ поражался многими художественными идеями въ одно и то же время, и что только обиліе сюжетовъ, просившихся подъ перо его, мѣшало ему что-нибудь окончить. Въ предлагаемомъ романѣ не развита еще *исторія*. Выведены только лица, которые должны начать дѣйствіе; но ихъ обстановка можетъ заинтересовать читателей, какъ живопись правовъ недавно исчезнущаго панскаго быта въ Украинѣ, того быта, который сохранилъ на себѣ отпечатокъ стариннаго козачества. Вотъ почему мы, друзья покойнаго автора, рѣшились послать его въ *Основу*. Впрочемъ есть надежда отыскать и продолженіе романа. Въ Черноморскомъ Екатеринодарѣ жилъ и до сихъ поръ живетъ нѣкто г-нъ Р***, соученикъ и, можно сказать, наперсникъ покойнаго Хоречко. Мы знаемъ, что они много разъ пересылали другъ другу черезъ почту свертки, на которыхъ было подписано *рукопись*. Хоречко, на вопросы наши, отвѣчалъ бывало, что его другъ г. Р***

занимается литературою и просить его совѣтовъ. Теперь дѣло является въ обратномъ смыслѣ. Мы отнесли къ г. Р*** и просили его подтвердить нашу догадку и, если у него сохранилось продолженіе *Липовыхъ Пуцъ* (въ чемъ мы почти увѣрены) прислать также въ редакцію *Основы*.

П. Шишагъ-Васильевскій-Гребля.

ПРОЛОГЪ.

Въ одной изъ малороссійскихъ губерній,—въ которой именно, нѣтъ надобности знать,—процвѣтало еще очень недавно помѣщичье семейство Вѣниковыхъ. Последніе, современные намъ представители этого семейства, выбросили изъ своей фамиліи букву *и*, и назывались *Вѣиковыми*; но они не смѣли отречься отъ нея въ документахъ, по которымъ принадлежали имъ лѣса, луга и земли, называющіеся *Липовыми Пущами*. Если сказать всю правду, то родоначальникъ этой фамиліи былъ не Вѣниковъ, а просто Вѣникъ; но у насъ, малороссіянъ, была страсть облагораживать свои фамильные имена прибавкою къ нимъ великорусскихъ окончаній или переименованіемъ и вставкою буквъ.

Трудно было бы доискаться, кто первый изъ господъ Вѣниковъ стеръ съ своего имени признакъ козацкаго происхожденія. Но имѣніе Вѣниковыхъ называлось *Липовыми Пущами*, Богъ знаетъ съ которыхъ поръ. Еще оно и не принадлежало имъ, еще въ козацкихъ реестрахъ не было вписано ни одного Вѣника, а *Липовыя Пущи* уже значились въ спискѣ старыхъ *рановыхъ* ⁽¹⁾ помѣстьевъ. Какъ бы ни гордились Вѣники древностію своего дворянскаго рода, наперекоръ демократической малороссійской исторіи; но историческое имя начинается съ недавняго и, надобно сказать, пустого событія. Когда козаки стояли шатрами въ степи надъ рѣчкой Самарой, одинъ изъ сотниковъ, по прозванію Мурло, выразилъ свою

(1) Такъ назывались земли, отдававшіяся въ пожизненное владѣніе гетману и генеральнымъ старшинамъ.

преданность полковнику Носачу необычнымъ способомъ: собственно ручно связалъ изъ степнаго бурьяну вѣвчикъ и подмелъ земляной полъ въ полковничьей палаткѣ. Козаки прозвали его, за этотъ подвигъ, Вѣвчикомъ, и до такой степени новое прозвище сдѣлалось общеупотребительнымъ, что дѣти и внуки услужливаго сотника уже не принимали его себѣ въ обиду; ихъ записали подъ этимъ именемъ въ козацкій реестръ, и пошли они писаться Вѣвчиками, по забывъ свое прежнее прозвище Мурло, данное ихъ предку еще во времена гетмана Павлюка.

Въ эпоху самарскаго похода, ранговое помѣстье *Липовыя Пущи*, доставшееся впоследствии Вѣвчикамъ, соответствовало своему имени, потому что состояло изъ первобытныхъ липовыхъ лѣсовъ, но въ наше время, липы уцѣлѣли только въ видѣ бревенъ, въ стѣнахъ помѣщичьяго дома. Домъ срубленъ изъ толстыхъ липовыхъ брусевъ и, благодаря плотной, *очеретяной* крышѣ, которую смѣнявшіеся поколѣнія владѣльцевъ возобновляли своевременно, пережили окрестные лѣса, состоявшіе преимущественно изъ липъ. Странное чувство овладѣвало моею душою, чувство особенной, поэтической, грусти, когда я, сидя въ свѣтлицѣ господъ Вѣвчиковыхъ, срубленной изъ благороднаго липоваго дерева, съ мыслями (1), стѣнами вспоминалъ, по какой причинѣ все это имѣніе, состоящее изъ двухъ тысячъ десятинъ всякаго рода земель, называется *Липовыми Пущами*. Кругомъ—ни одной липы на корняхъ, а названіе помѣстья и чрезвычайная толщина брусевъ въ стѣнахъ дома воздвигаютъ въ воображеніи необозримыя массы густыхъ вѣтвей, высовотолпящіяся вокругъ липоваго дома. Домъ построенъ во вкусъ гетманскихъ временъ съ тяжелою вычурною отдѣлкою орнаментовъ по дубовымъ косякамъ оконъ и дверей, по карнизамъ навѣсовъ, по оглавіямъ и подножіямъ тонкихъ, витыхъ на разные манеры, колонокъ, по слуховымъ окнамъ, вырѣзавшимся далеко впередъ изъ мшистой очеретяной крыши и по самымъ *дымарямъ*, которые высоко черпѣютъ съ своими острыми кровельками на малороссійскомъ, почти всегда ясномъ, небѣ. Въ главной, такъ называемой крестовой, свѣтлицѣ (2), на толстомъ рѣзномъ сволокѣ, вы читаете сла-

(1) То-есть, не закрашенныя краскою и безъ обоевъ. Такія стѣны отъ времени до времени моютъ и скоблятъ и это сообщаетъ комнатѣ чистоту и шикатулки.

(2) Старинные люди вѣшали, или вѣлывали въ стѣны, четыре креста, въ свѣтлицѣ.

вянскую надпись: «храмина сія сооружена благочестивымъ рабомъ Божиимъ, полковникомъ Вѣникомъ, *рѣку Божю* 1760». Не прошло, значить и столѣтія, а ужъ все кругомъ до такой степени измѣнилось! Выходите на *рундуку* ⁽¹⁾, срубленный изъ того же благороднаго дерева, видите широкій дворъ, обставленный раскидистыми каштанами; видите, въ промежуткѣ между каштановъ, отлогій скатъ къ пруду и за прудомъ водяную мельницу съ густыми, наклоненными къ водѣ, вербами; тутъ, подлѣ васъ, въ самихъ углахъ, образуемыхъ выступившимъ впередъ старосвѣтскимъ рундукомъ, выросли уже довольно старые клены, бросающіе густую тѣнь съ зубчатыми, трепещущими пятнами свѣта, на дубовый полъ подъ вашими ногами и позволяющіе только мѣстами рисоваться на немъ зигзагамъ столбовъ, подпирающихъ навѣсь. Но липамъ какъ-будто объявлена была война строителемъ этого дома. На всемъ кругозорѣ усадьбы, въ саду, въ дубовой рошѣ, выглядывающей изъ-за плодовыхъ деревъ, и вдоль села, поднимающагося на отлогую высоту, по ту сторону пруда и мельницы, — нигдѣ не видно ни одной липы!

Не довѣряя глазамъ своимъ, вы спросите у хозяевъ, (какъ сдѣлалъ я и какъ дѣлали, безъ сомнѣнія, многіе другіе): «неужели у васъ въ Липовыхъ Пущахъ нѣтъ вовсе лип?» И вамъ скажутъ, что даже въ лѣсахъ, принадлежащихъ къ имѣнію, исчезли липовыя деревья. «Исчезли съ тѣхъ поръ, какъ этотъ благочестивый рабъ Божій, полковникъ Вѣникъ, повалилъ столько великолѣпныхъ деревъ для своей храмины!..» Вы невольно это подумаете, и вамъ представится варварскій стукъ топоровъ въ густой первобытной рошѣ, гдѣ раздавался до тѣхъ поръ только голосъ иволги, гдѣ ворковали влюбленные горлицы, и дикія козы водили въ тишинѣ свои робкія семейства. По-крайней-мѣрѣ мнѣ живо представилась картина опустошенія со всѣми побочными обстоятельствами.

Панъ полковникъ пріѣзжаетъ на охоту въ липовый лѣсъ, пожалованный ему царскою грамотою за такіе и такіе, чинимые имъ надъ непріятелемъ, промыслы; пріѣзжаетъ онъ, разумѣется, не одинъ; разбиваютъ для *его милости* палатку; достаютъ изъ возовъ бочонки и провизію; варится въ котлѣ походная каша, *кушмиш*, съ жирной бараниной. Веселъ полковникъ и громогласенъ; никто такъ

(1) Крыльцо съ навѣсомъ.

громко не смѣется, какъ онъ, потому что никого нѣтъ здѣсь равнаго ему по сану и богатству. Онъ говоритъ больше всѣхъ, и всѣмъ его рѣчи доставляютъ истинное удовольствіе. Мѣсто ему очень нравится. Сквозь темную липовую зелень видна озаренная солнцемъ рѣчка въ камышахъ, и за ней, весь въ деревьяхъ и кустахъ, отлого идущій въ высоту берегъ.

«Построю тутъ *будінокъ*» (1), вскрикнулъ онъ вдругъ вдохновеннымъ голосомъ; «посажу слободу! На рѣчкѣ можно построить славную мельницу! Пускай у Панька *заболятъ печінки*, отъ зависти!» (Панькомъ онъ величалъ полковника нѣжинскаго полка, своего вѣчнаго врага, такъ какъ безъ непримиримой вражды къ кому нибудь ни одинъ малороссійскій панъ прожить не можетъ). «Да», продолжалъ онъ: «не будь я Вѣникъ, если не вгоню своего врага въ могилу этой усадьбой! Самъ гетманъ позавидуетъ моимъ *Липовымъ Пуцамъ!*»

Это подаетъ поводъ къ отбиванію чоповъ у боклагъ и бочонковъ съ наливками и медами. Стукнулъ полковникъ съ своими гостями въ ковши и позабылъ о предпринятой охотѣ; поѣздка кончилась походною кашею и крѣпкимъ сномъ въ густой тѣни вѣковѣчныхъ липъ. Но, пробудясь, и возвращаясь домой въ пріятномъ изнеможеніи, панъ Вѣникъ не забылъ о мгновенно-возникшемъ въ его умѣ предпріятіи. Вскорѣ за тѣмъ, по распоряженію полковаго *осаула*, явились казаки на караулы, или какъ у нихъ говорилось, *на стойку* въ Липовыя Пущи. Страшное выбрано было мѣсто для стоянія пикетами: липовый лѣсъ, въ который проникали только женщины изъ сосѣднихъ хуторовъ за грибами. Но козакамъ было все равно: гдѣ стоять, то стоять. Они отвыкли уже брать отчетъ съ старшинъ на громадскихъ вѣчахъ, какъ было встарину. Они забыли уже, какъ нѣкогда ихъ дѣды и прадѣды вооружались на пановъ за то, что вольныхъ казаковъ употребляли на работы въ своихъ дворахъ, вмѣсто военной службы. Старшины, вышедшіе изъ среды, нагнули ихъ шеи подъ ярмо свое гораздо успѣшнѣе тѣхъ старыхъ пановъ, которые происходили отъ варяжскихъ князей и древнихъ полководцевъ княжнецкихъ.

Смирненно работали козаки на полковниковъ, какъ на законныхъ своихъ владѣльцевъ, и потому никому не показалось необычайнымъ

(1) Господскій домъ.

отданное полковымъ эсауламъ приказаніе, чтобы *стойчики* явились на *стойку*, не съ *мушкетами* и *списами* (1), а съ топорами, пилами и долотами. Закипѣла работа и скоро все вокругъ измѣнилось въ Липовыхъ Пущахъ. Отъ стука и говора рабочихъ разлетѣлись иволги и горлицы; стройныя возы увели въ болотистыя низины и трущобы свое робкое поколѣніе; а полковничій домъ со всею обычною, по тогдашнему времени, обстановкою, воздвигся какъ-бы какимъ чудомъ на очищенномъ просторѣ, среди густаго дѣса.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣжинскій Панько возгорѣлся новою завистью къ благоденствію своего непріятеля и подалъ протестъ въ генеральную канцелярію, что *якобы таковой и оный Вѣникъ не-правдою оснѣ* сосѣдствующее съ Липовыми Пущами и принадлежащее ему, нѣжинскому полковнику, рыболовное мѣсто. Дѣло, разумѣется, затянулось, и челобитчикъ умеръ, оставивъ своимъ дѣтамъ въ наслѣдство вражду къ поколѣнію Вѣниковъ и вѣрное средство спустить съ рукъ, черезъ суды, нажитое предками имущество.

Въ самомъ дѣлѣ, и гетманъ, запрошенный Вѣникомъ на *бенкетъ* въ новую усадьбу, позавидовалъ, не хуже Панька, прекрасному мѣстоположенію Липовыхъ Пущъ (какъ назывался и самый хуторъ), гдѣ, по его словамъ, заведя пасики, можно бы было получать чистый липецъ. Онъ удостоилъ даже молвить съ гетманскою небрежностью, что отдалъ бы за полковничій хуторъ свою нѣмецкую карету съ осмью длинногривыми лошадьми. Но полковникъ Вѣникъ не понялъ тонкаго намека и, имѣя въ Петербургѣ сильныхъ покровителей, спокойно продолжалъ удить рыбу въ широко-запруженной камышчатой рѣчкѣ, да попивать съ пріятелями меды и наливки.

И умеръ полковникъ Вѣникъ въ свою очередь, и пошло его любимое помѣстье изъ рукъ въ руки, по наслѣдству, даже до нашихъ дней, и мало по малу не осталось въ немъ ни одной липы на корѣ. Но домъ сплоченъ былъ, видно, очень усердно козаками. Въ немъ подалась только крѣпкая дубовая подвалина, осадивъ едва замѣтно одну стѣну и покосивъ немного шестиугольные рѣзные косяки въ окнахъ; но липа, не смотря на свою мягкость въ работѣ, нигдѣ не далась шашелю и устояла противъ дождей, зноя

(1) Ружьями и копьями.

и вѣтровъ. Правда, снаружи домъ всегда былъ вымазываемъ такъ называемою зѣньковскою глиною ⁽¹⁾ и, если бы не рѣзба на *уластныхъ* дубовыхъ косякахъ оконъ и дверей, то казался бы каменнымъ. Внутри же его нагрѣвали большія старосвѣтскія печи изъ зеленыхъ выпуклыхъ изразцовъ, а вѣчная бѣготня слугъ, топотъ, говоръ, пѣніе гостей и дѣтскій крикъ и гамъ, не давали завестись въ липовыхъ стѣнахъ разрушительнымъ шашелямъ, которые работаютъ всего дѣятельнѣе въ тишинѣ и неподвижности, покинутыхъ, людьми строений, и разрушаютъ дома, въ которыхъ долго еще могли бы жить люди.

ГЛАВА I.

Слобода, *осаженная* полковникомъ Вѣникомъ, прилегалъ къ рѣчкѣ, на которой онъ запрудилъ прудъ и построилъ мельницу. Заселеніе совершилось по зазыву, обыкновенному въ то время. На ярмаркахъ на храмовыхъ праздникахъ, на многочисленныхъ свадьбахъ и вездѣ, гдѣ собирались толпы народа, являлись дворчане осадчаго и громогласно призывали поселянъ на слободу. Для того, чтобъ обратитъ на себя всеобщее вниманіе, они наряжались въ кунтуши самаго яркаго краснаго цвѣта съ золотыми галунами поперегъ груди, на подобіе петель, и съ такими же *усами* на перехватѣ, въ видѣ двухъ крестовъ. Въ рукахъ держали они высокій крестъ, на которомъ развѣвалась цвѣтная *коро́вка* ⁽²⁾. Всякъ, съ перваго взгляда, признавалъ въ нихъ *окличниковъ* и прислушивался къ ихъ кликамъ. Въ болѣе отдаленную старину такъ наряжались есаулы охочекомонныхъ полковъ; проѣзжая по селамъ съ хоругвями, они вызывали охотниковъ или *охочихъ козаковъ*, въ походъ на невѣрныхъ, а иногда, среди ярмарки, взгромоздивъ одинъ возъ на другой, выставляли они на этомъ подножіи полковое знамя, и, собравъ вокругъ себя народъ, читали съ этого возвышенія полковничье воз-

(1) До-сихъ-поръ, въ Зѣньковскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, сохранилось искусство штукатурить дома съ особенною прочностью. Помѣщики соседнихъ уѣздовъ нанимаютъ Зѣньковскихъ женщинъ для штукатурки своихъ домовъ. Зѣньковская глина составляется ими на мѣстѣ.

(2) Небольшая хоругвь.

звание. Во времена Вѣника, охочекомонные полки не собирались болѣе въ окрестныхъ городахъ и селахъ; выдвинулись далеко въ степи за рѣку Орель полтавскія поселенія и заслонили собою внутренние малороссійскіе повѣты отъ вторженія Татаръ. Національный обычай взывать къ народу посредствомъ есауловъ усвоенъ былъ осадчими ихъ окличникамъ, и, по старой памяти, окличники становили на ярмаркахъ телѣгу на телѣгу, а среди свадебнаго разгула или храмоваго праздника, взбирались на крышу ближайшей къ народу хаты, выставляли свою короговку и кричали: «на слободу! на слободу, добрые люди! У нашего пана богатѣютъ селяне днями, а не годами, ходятъ въ *саетахъ* ⁽¹⁾, турецкими *килимами* ⁽²⁾ столы застилаютъ, серебромъ коней куютъ, сами золотыми подковами въ танцахъ побрякиваютъ!»! Чѣмъ болѣе преувеличивалъ окличникъ благоденствіе селянъ своего пана, тѣмъ болѣе слушатели развѣшивали уши, хотя, разумѣется, знали, что это только игра словъ. Но любить народъ красноречіе про золотыя горы и, терпя нужду, воспѣваетъ въ своихъ пѣсняхъ то, чего не имѣетъ. Поэтому, окличникъ, безъ зазрѣнія совѣсти, увѣрялъ, что на лугахъ у его пана растетъ трава въ человѣческій ростъ, что рыба въ прудахъ и озерахъ сама лѣзетъ въ невода, что пшеница остается на поляхъ не сжатая, а житняго *борошна* ⁽³⁾ никто въ глаза не видалъ. Все это выслушивалось со смѣхомъ, но безъ опроверженій.

— А сколько лѣтъ льготы отъ *чиншу* (оброка)? — спрашивали главы семействъ.

— Столько, — отвѣчалъ окличникъ, — сколько минуло его старшему сыну, — а минуло ему семь лѣтъ.

— *Поздоровѣй ёго, Боже*, — говорили поселяне. Семь лѣтъ — слобода хорошая; за такую слободу не жаль принести добрый *ралець* осадчему.

Ральцемъ называлась добровольная дань отъ *рала* ⁽⁴⁾, приносимая поселянами землевладѣльцу въ день Рождества Христова и, смотря по расположенности къ нему народа, увеличиваемая и уменьшаемая.

(1) *Саэтою* называлось тонкое англійское сукно.

(2) Коврами.

(3) Муки.

(4) Главная часть плуга.

Узнавъ въ чемъ дѣло, и гдѣ слобода осаживается, и какія земли, и какія будутъ пастбища и водопой, поселяне распространяли слухъ объ этомъ въ своемъ сосѣдствѣ и вскорѣ начинали появляться на пустынной почвѣ, сперва — курени, а потомъ — хаты и хутора. Первые, явившіеся на мѣсто, выбирали для себя лучшіе *горбы* ⁽¹⁾ для хаты и двора, лучшія *низины* для *пастовниковъ* или *левадъ* ⁽²⁾ и огородовъ; а потомъ ужъ отводили *грунта* новымъ поселянамъ *громадскіе мужи*, наблюдавшіе, чтобы никому не было обидно въ займѣ низменныхъ прирѣчныхъ мѣстъ и чтобы чей нибудь дворъ не былъ отрѣзанъ новымъ дворомъ отъ сообщенія съ водою. Эти громадскіе мужи, выбиравшіеся изъ стариковъ въ большемъ или меньшемъ числѣ, смотря по величинѣ села, были полными вѣдателями всѣхъ интересовъ между *осадчимъ* и поселянами, ограничивая произволъ одного и внушая другимъ, что они должны и чего не должны исполнять по его требованію. Они же собирали подати въ казну и владѣльцу за пользованіе землею. Ихъ власть была велика, потому что они олицетворяли собою образъ мыслей и волю всего своего сословія и пала только со введенія въ Малороссію крѣпачества, когда произволу помѣщика открылось безграничное поприще. Самое имя громадскихъ мужей позабыто съ обычаемъ, и только въ старинныхъ актахъ любитель старины встрѣчаетъ слѣды ихъ существованія, дивясь, какъ это гражданственность сдѣлала въ Малороссіи нѣсколько шаговъ назадъ со времени введенія, при Екатеринѣ Второй, новой системы управленія!...

«Но мы исторіи не пишемъ», — наше дѣло — вести повѣсть о томъ времени, когда Липовыя Пущи пана Вѣника дѣйствительно были еще Липовыми Пущами, о томъ времени, когда заселенная имъ слобода, сдвинувшись тѣснѣе своими хуторами отъ прибавки новыхъ хатъ и дворовъ, образовала наконецъ *село*.

Былъ уже очень старъ полковникъ Вѣникъ; уже давно полковничья булава висѣла въ свѣтлицѣ полковаго судьи, который, являясь съ нею передъ козаковъ и въ полковой судъ, заступалъ собой полковника и принималъ всѣ почести, слѣдующія полковничь-

(1) Хату стараются становить на возвышеніи, на горбѣ.

(2) За огородамъ у малороссіянъ отдѣляется особое огороженное мѣсто, пастовникъ или левада, для пастбы телятъ или нужной всякую минуту скотины. Левады обыкновенно окружены, или усяяны, кучами деревъ, которыя сажаетъ сама природа.

ницъ и въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ. Мудрое правило: *живи и жить давай другимъ*, соблюдалось полковникомъ Вѣникомъ до конца дней его, и перешла его полковничья власть къ сыну, которого избрали въ полковники *по члане* единодушно по словамъ форменнаго акта, но который явился за полученіемъ булавы изъ Петербурга—въ башмакахъ, въ нѣмецкихъ коротенькихъ штанахъ, или, по козацкому наименованію, *галанцяхъ*, и въ парикѣ, обсыпанномъ, какъ говорили земляки, *бѣрошномъ*. Но не о томъ рѣчь.

Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ,—не помню, въ которомъ именно году,—на полковничій дворъ въѣхалъ крытый, такъ-называемый,—*кованный* возъ. Въ такихъ возахъ козацкіе старшины совершали свои походы, наполнивъ ихъ одеждою, войлоками для налатокъ, запаснымъ оружіемъ, а, всего больше, саломъ, пшеномъ, солью и бочонками съ подрѣзательною *оковитою* (!). Кованными назывались эти возы потому, что покрыты были множествомъ желѣзныхъ бляхъ и скобковъ для предохраненія отъ пуль не только боченковъ, но и самихъ старшинъ, которые, изнемогши отъ движенія, а, пожалуй, и отъ подрѣзательной оковиты, забивались между войлоковъ и спали въ своихъ возахъ безопасно, какъ въ крѣпостяхъ. Извѣстно, что козаки, застигнутые непріателемъ на походѣ дѣлали четвероугольникъ изъ возовъ, соединяя ихъ одинъ съ другимъ посредствомъ цѣпей, и отбивались, изъ такой крѣпости до тѣхъ поръ, пока съѣдали всю свою провизію. Въ-старину, возы служили убѣжищемъ только для раненныхъ. Здоровый старшина, спрятавшись въ кованный возъ, вышелъ бы оттуда на козацкихъ *сисахъ*. Но съ того времени, какъ старшины начали падать, на голову *товариства*, изъ *паничей*, трусость ихъ не обращала на себя вниманія, и козаки въ бою управлялись не распорядительностью вожда, а тѣмъ инстинктомъ самосохраненія, который заставляетъ табунъ дикихъ лошадей строиться въ грозную толпу противъ нападенія стаи голодныхъ волковъ. Тогда-то устройство кованныхъ возовъ доведено было до послѣдняго совершенства, и *чѣвекъ*, то-есть кузовъ такого воза, составленный изъ воловыхъ шкуръ и листового желѣза, былъ дѣйствительно несокрушимою твердынею.

(!) Такъ называлась водка высшаго сорта.

И вотъ, этакой-то кованный возъ, съ высокою будкою сверху, съ толстыми *бушованными* ⁽¹⁾ колесами, запряженный не лошадьми, а дюжими волами, въѣхалъ на полковничій дворъ и остановился противъ выступившаго далеко впередъ рундука, оѣбеннаго *очерѣтянною* крышею вмѣстѣ съ *поддѣшьемъ* ⁽²⁾, которую поддерживали, вмѣсто каріатидъ, толстые, плоскіе столбы, вырѣзанные красивыми зигзагами. Вмѣстѣ съ кованнымъ возомъ, въѣхало на дворъ и двое верховыхъ козаковъ, похожихъ другъ на друга лицомъ до-того, что это каждому тотчасъ бросалось въ глаза, и невольно у каждого рождался вопросъ: не родные ли они братья? Впрочемъ, одинъ изъ нихъ былъ уже въ лѣтахъ, тогда-какъ другой принадлежалъ болѣе къ *молодикѣмъ*, или юношамъ, чѣмъ къ мужамъ ⁽³⁾. Солнце стояло уже на закатѣ. Въ красномъ его свѣтѣ засіяли, какъ на картинѣ, двѣ конныя фигуры, проѣзжая мимо бѣлыхъ стѣнъ полковничьяго дома и украшенныхъ рѣзбою оконъ, свергавшихъ круглыми стеклами. Младшій козакъ остался неподвижно на конѣ; старшій соскочилъ на землю и помогъ выйти, изъ крытаго кованнаго воза, старику воинственной наружности, но съ длинной сѣдой бородой, которую отпускали наши дѣды, сознавъ однажды навсегда свою дряхлость.

Все это рисую по преданію, не примѣшивая вымысла, и потому не могу прибавить ни одной черты въ дополненіе простой, такъ-сказать, *ляпаной* живописи старыхъ обычаевъ, которая сохранилась въ моемъ воображеніи, — живописи, въ родѣ картинъ, писанныхъ нашими неучеными малярами по воспоминанію о видѣнномъ, но не глядя на натуру. Все въ нихъ крупно, рѣзко, ярко и мѣстами уродливо, но тѣмъ не менѣе переноситъ воображеніе въ прошедшее и заставляетъ всматриваться въ подробности изображеній. Такъ и словесное преданіе рисуетъ намъ старину ляпаною живописью и многого недосказываетъ, но рождаетъ въ умѣ живые образы, которые для насъ дороже наблюдаемой собственными глаза-

⁽¹⁾ Окованными желѣзомъ.

⁽²⁾ Поддѣшьемъ называлась собственно часть брусьевъ съ карнизами, находившаяся подъ крышею (отъ стариннаго, вышедшаго изъ употребленія, слова — *даха*); но поддѣшьемъ называютъ обыкновенно лѣтнюю комнату не имѣющую четвертой стѣны. Это — родъ углубленнаго въ домъ навѣса.

⁽³⁾ Молодниками назывались вообще неженатые; но въ то время неженатыми и были только *молодики*.

ми дѣйствительности. Я, по-крайней-мѣрѣ, вижу, какъ на яву, этого высокаго, сгорбеннаго лѣтами, морщинистаго и закаленнаго жизнью на долгіе годы старика, который вылѣзъ крехтя изъ кованнаго походнаго воза и, опираясь на длинный *кѣленъ* ⁽¹⁾, взошелъ тяжелыми ногами на дубовые ступеньки полковничьяго рундука. Остановясь подъ навѣсомъ, спускавшимся изъ подъ очеретяной стрѣхи хитро-вырѣзанными, въ липовыхъ брусьяхъ, кривульниками, онъ оборотился лицомъ къ двору. Заходящее солнце обдало его своимъ вѣчно плѣнительнымъ свѣтомъ, вырисовывая въ тоже время сверху, надъ нимъ и по сторонамъ, зигзаги своеобразной малороссійской рѣзбы на архитравѣ и столбахъ рундука. Углубленіе навѣса все ушло въ синеватую, холодную тѣнь, изрѣдка разорванную яркой золотистой полоской или узорнымъ кускомъ пробившагося свѣта. Старикъ показался точно въ сіяющей рамѣ, сіяя весь на темномъ полупрозрачномъ фонѣ, съ своими сѣдинами, озолоченными солнцемъ, въ козацкой, перегнутой на половнѣ, шапкѣ, въ длинномъ кобелягѣ, въ большихъ сапогахъ изъ выношеннаго краснаго сафьяна и съ келепомъ, на который онъ положилъ обѣ жилистыя, изморщенные руки, нагнувшись впередъ надъ этой опорой. Волосы его, по причинѣ старости, не были подстрижены и влетались жидкими, сквозящими кудрями въ бороду, по которой замѣтными издали сѣрыми струями спускались два длинные уса.

Всѣ люди, которымъ на ту пору случилось быть на полковничьемъ дворѣ, — отъ сторожеваго козака, сидѣвшаго съ мушкетомъ у *камянницы* ⁽²⁾ съ запаснымъ добромъ пана полковника, до включника, убиравшаго съ очередными стойчиками просушенную пшеницу въ амбары, — обратили вниманіе на старика, пріѣхавшаго такимъ необычайнымъ образомъ и остановившагося подъ навѣсомъ, на солнцѣ.

Постоялъ онъ съ минуту, не болѣе, какъ-бы для того только, чтобы обвести глазами весь дворъ, съ окружавшими его хатами, съ приземистою камяницею, въ которой видно было всего только двое маленькихъ рѣшетчатыхъ оконъ по одну сторону двора, и съ деревянными, затѣйливо-украшенными рѣзной галлерею, амбара-

⁽¹⁾ Палка съ насаженнымъ на нее молоткомъ въ видѣ топорика.

⁽²⁾ Для безопасности отъ пожара, въ старину строились небольшія кладовыя камяницы изъ кирпича, съ желѣзными дверями и ставнями. Въ нихъ берегалось все, что было подороже изъ одежды, оружія и домашней утвари.

ми по другую. Стоя къ нему ближе, можно было замѣтить, по движенію нависшихъ на глаза бѣлыхъ бровей и легкому качанію головы, что все ему было по вкусу. И вотъ онъ въ огородахъ. Дворъ былъ просторенъ, не засоренъ соломой или щепками, не заросъ репейникомъ, беленою или инымъ бурьяномъ, вырастающимъ на смѣтникахъ и въ другихъ нечистыхъ мѣстахъ. Какъ ковромъ, устлала его ровная мурава, перекрещенная въ разныхъ направленіяхъ тропинками отъ безпрестанной ходни рабочаго народа. Одна часть этой зелени ушла въ холодную тѣнь отъ хатъ, амбаровъ, голубятни, садовыхъ деревьевъ, и все это вырисовало на ней свои верхушки удлинненными чертами; другая сіяла червоннымъ золотомъ, которое, изливаясь теплымъ потокомъ отъ запада, обдало всюлицевую сторону узорчатаго будинка, захватило одинъ бокъ камянницы, вырисовавъ все множество карнизовъ и зубчиковъ, окружавшихъ ея низенькую дверь и маленькія окна, прошло по садовому, выгнутому изъ березовыхъ палокъ, частоколу, превращая его въ легкую, сквозящую на зелени драгоцѣнную рѣшетку; потомъ поднялось по деревьямъ, перегнувшимся изъ за частокола на дворъ. Маки въ ближайшемъ огородѣ загорѣлись огнемъ среди зелени, и всякая мелочь на землѣ, въ саду или на строеніяхъ, засіяла отъ прощальнаго взгляда солнца на покидаемую имъ природу, такъ — что даже высокіе дымари, поднимавшіеся деревянными башнями изъ сѣней будинка и стужившіеся постепенно по мѣрѣ приближенія къ крышѣ, и тѣ даже, не смотря на то, что вся наружная часть ихъ была покрыта сажею, залѣпившею отчасти и зубчатую рѣзбу на доскахъ, и тѣ позолотились и вырисовались ярко-сіяющими островерхими башенками на потемнѣвшей лазури восточнаго неба, а жестяные пѣтухи, вывезенные пану полковнику изъ нѣмецкой земли въ видѣ флюгеровъ, не смотря на то, что имъ больше всего доставалось коптиться въ дыму, поворачиваясь на право и на лѣво, теперь казались чисто золотыми. На востокѣ свѣтился уже полукругъ луны, но закуренные дымомъ пѣтухи по мрачали его своимъ блескомъ.

И въ такомъ-то сіяніи остановился передъ полковничьимъ домомъ кованный возъ съ дюжими волами, которыхъ крутые рога, костистые бедра, выгнутые мохнатые хребты и толстые, развалистые бока съ дыхательными углубленіями, выказались во всей красотѣ своей. — съ лошадыми, уоранными и навьюченными до походъ

ному и верховыми козаками, отъ которыхъ, при всякомъ движеніи, ходила рѣзко рисовавшаяся тѣнь, ложась то поперегъ воза, то узкою, безконечною полосою по травѣ, то вѣрнымъ силуэтомъ по бѣлой стѣнѣ дома, точно примѣшавшіеся къ ѣдущимъ верховымъ новые верховые козаки.

Но вотъ одна, другая минута — и чары заходящаго солнца исчезаютъ. Весь дворъ со всѣми животными и людьми погрузился въ сумерки. Сѣрая тѣнь, точно какая-то стихія, залила сперва сіяющую мураву двора, потомъ поднялась выше, выше — по ступенямъ рундука, по рѣзнымъ дубовымъ косякамъ оконъ, по крышѣ, и уже только дымари съ золотистыми своими пѣтухами сіяли въ высотѣ, затмѣвая вырѣзавшійся лѣтвеннѣе прежняго мѣсяцъ. Кованный возъ, верховые козаки, старикъ, остановившійся подъ навѣсомъ — все это утонуло въ тѣни.

Долго сіяетъ, но быстро гаснетъ, украинскій день. Южная короткая ночь спѣшитъ воспользоваться своими правами, чтобы дать время соловьямъ напѣться, а молодежи послушаться милыхъ рѣчей, которыми нѣтъ мѣста днемъ и которыя приходятъ на языкъ только въ тѣни вишневыхъ садовъ, да подъ развѣсистыми вербами, да на опустѣлыхъ берегахъ рѣчекъ и прудовъ, когда смолкнетъ шумъ человѣческихъ работъ и поднимутся міриады голосовъ изъ благоухающихъ травъ и деревьевъ, изъ прозрачныхъ безднъ водянаго царства, и все сольется въ стройный хоръ, сладко волнующій молодца, поэтическія чувства.

ГЛАВА II.

Но кто же этотъ старикъ, сопровождаемый двумя рослыми, статными, другъ на друга похожими, козаками? Подѣхалъ онъ прямо къ крыльцу полковничьяго дома, въ знакъ своего равенства съ хозяиномъ, если не по сану, то по сословію и богатству: иначе онъ бы вышелъ изъ повозки у воротъ и пѣшкомъ приблизился бы къ панскимъ будинкамъ. Таковъ былъ обычай старосвѣтскаго общенія въ Малороссіи. Не вошелъ онъ однакожъ прямо въ полковничью свѣтлицу. Сѣлъ онъ на скамѣ, которая шла кругомъ всего рундука, оставляя только проходъ изъ двери въ дверь; подперся ке-

лепомъ, положивъ обѣ руки на чеканный серебрянную насѣчкою топорикъ и опустилъ тяжелую отъ старости голову, покрывъ сѣдою бородою обѣ свои морщинистыя руки. Шевельнулъ онъ нависшею на глазъ бровью и понялъ его старшій козакъ, помогшій ему выйти изъ кованныго воза. Наклонивъ высокую черную шапку, онъ вошелъ въ сѣни и скоро появился опять, провожая на рундукъ старушку, которая вышла къ гостю въ домашней кофтѣ изъ зеленой байки съ красными мушками и въ, такъ-называемой *кибалкѣ* на головѣ,—нѣчто въ родѣ клобука изъ темной, протканной золотомъ матеріи. Сѣдя пряди волосъ, высунувшись изъ подъ шапочки, убирали точно кружевами ея бѣлое, панское, ласковое лицо, покрытое тонкими морщинами. Она поклонилась гостю съ уваженіемъ къ его полу, которое въ то время оставалось преимущественно за мужчинами, и назвала его, привѣтствуя, паномъ хорунжимъ. Панъ хорунжій приподнялся съ своего мѣста и отвѣчая поклономъ на поклонъ и привѣтствіемъ на привѣтствіе съ медленностью, приличною его старости, которою онъ видимо гордился, назвалъ ее паніею сотничкою; потомъ обнялъ ее со всѣми знаками подобающей учтивости и напечатлѣлъ на ея мягкихъ щекахъ троекратный почтительный поцѣлуй.

Оказалось, что пріѣздъ его не былъ неожиданностью, что давно знали пана хорунжаго въ полковничьемъ домѣ, хотя много лѣтъ его не видали. Оказалось также, что пани сотничка была сестра полковника Вѣника, исправлявшая должность хозяйки дома со времени смерти полковницы.

Зналъ престарѣлый гость очень хорошо, что панъ полковникъ давно уже остается безвыходно въ своей пасигѣ, полюбивъ уединеніе, по обычаю всѣхъ старинныхъ людей, но не спѣшилъ къ нему, а вошелъ въ свѣтлицу, держась за руку, которую подала ему пани сотничка въ знакъ гостепріимства.

Посадила она гостя на почетномъ мѣстѣ, въ концѣ стола, который стоялъ подъ образами, покрытый старымъ ковромъ, а на коврѣ—большой хлѣбъ и *дробѣк* соли, въ знаменованіе, что живутъ здѣсь люди гостепріимные.

Но прежде нежели сѣлъ панъ хорунжій на скамью съ высокою спинкою, зявѣшенною косматымъ ковромъ, онъ поднималъ голову къ образамъ. А образа были все большихъ размѣровъ, кievской живописи, и шли въ два ряда отъ главнаго угла, въ которомъ

стоялъ Богъ Отецъ съ скипетромъ и державою въ рукахъ, въ треугольномъ сіяніи на головѣ и съ Святымъ Духомъ на груди, отъ котораго лучи проникали въ извивы его бороды и развивались по облакамъ внизу иконы. Большая серебряная лампада, какъ церковное паникадило, озаряла яркія краски живописи, и, мѣшая свой свѣтъ съ полусвѣтомъ потухающаго дня, проливала желтыя лучи по выступамъ рѣзной обдѣлки оконъ, по завиткамъ и углубленнымъ буквамъ на сволокѣ, по блестящимъ зеленымъ изразцамъ большой печи, по многосложнымъ ея карнизамъ и колонкамъ и по точенымъ стульямъ съ высокими спинками, обитымъ желтымъ, поблѣднѣвшимъ отъ времени, сафьяномъ.

Остановился сѣдой гость противъ образовъ и помолясь съ низкимъ старческимъ поклономъ, вынулъ изъ-за пазухи небольшой хлѣбъ, завернутый въ бѣлый платокъ съ красными мережками, развернулъ его дрожащими отъ старости руками и подалъ хозяйкѣ въ руки.

Хозяйка приняла съ уваженіемъ этотъ залогъ дружескаго общенія сосѣдей, поцѣловала и положила на столъ.

Что дѣлаетъ теперь простой народъ, то дѣлали въ то время всѣ, сохранившіе родные обычаи общегитія, дѣлали до тѣхъ поръ, пока молодое поколѣніе, образовавшись въ чужихъ національностяхъ и возвратясь домой въ парикахъ и чулочкахъ, предадо осмѣянію жизнь предковъ, назвавъ ее мужичествомъ, не введя на то мѣсто ничего, соотвѣтствующаго гражданскому и бытовому развитію своего племени вообще и своего сословія въ-особенности.

Оказалось (продолжаю свой разсказъ), что два козака, пріѣхавшіе съ старикомъ, были два его сына. Старшій изъ нихъ, у котораго на усахъ проступила уже сѣдина, — спутница охлажденія играющей крови, — остался вмѣстѣ съ отцомъ въ свѣтлицѣ, но сѣлъ поотдалъ, на концѣ почетной скамьи.

Хозяйка заняла мѣсто по другую сторону прислоненнаго къ углу стола, и двое старыхъ людей, сложивъ руки на столѣ, почти симметрически другъ противъ друга, въ самомъ покойномъ для нихъ положеніи, повели тихую бесѣду о прошломъ, взаимно имъ неизвѣстномъ, что совершилось въ длинный промежутокъ между ихъ послѣднею и настоящею встрѣчею. А день-между, тѣмъ, совсѣмъ потухъ, и уже только свѣтъ лампы, падая сверху, обрисовывалъ ихъ выступавшія изъ мрака черты, ихъ сѣдины и старыя, утомленныя долгою жизнью, руки.

Слушатель ихъ не вмѣшивался въ разговоръ, хотя не сводилъ съ нихъ глазъ, скрестивши на груди руки и потупивъ слегка голову. Онъ могъ говорить только въ такомъ случаѣ, когда бы старики сами къ нему обратились.

— Сколько это лѣтъ мы не видались, панимátko?—сказалъ гость, величая старушку, изъ учтивости, материнскимъ именемъ, хотя самъ былъ вдвое старѣе. Она отвѣчала ему съ той же учтивостью, дѣлая должный почетъ его преклоннымъ лѣтамъ:

— А будетъ больше двадцати, панóтченьку!... Какъ-же! Еще мой покойный панъ Игнатъ не ходилъ тогда въ канальскій походъ.

(Канальскими называли козаки извѣстные свои походы для рытія каналовъ).

— Охъ, походы, походы!—сказалъ старикъ нахмурясь, и покрутилъ одинъ усъ такъ, что онъ изъ косы принялъ форму серпа. Но рѣчи старикъ не докончилъ, и выразилъ свою мысль только сердитымъ качаньемъ головы.

— Да,—продолжала пани сóтничка: погибъ и мой панъ Игнатъ, какъ садовый цвѣтъ на морозѣ!

— Чтó ты говоришь, панимátko! А я слышалъ.... мнѣ кто-то говорилъ, что панъ Игнатъ умеръ дома! Другихъ много тамъ спило и перегибло, а онъ—говорили мнѣ—воротился!

— Воротились только его кости, панóтченьку! а тѣло и здоровье оставилъ тамъ. Одрѣ измученныя кости воротились, чтобъ отдохнуть на цвинтарѣ ⁽¹⁾ отъ канальской работы. Перенесъ,—Боже избавь, сколько нужды перенесъ на чужой чужбинѣ и привезъ домой только дыханіе въ тѣлѣ. Посмотрѣлъ на меня.... а глаза впалые.... Боже, какіе глаза! благословилъ дочку и погасъ, какъ на свѣгу искра. Встрѣтила я его у воротъ съ немовлѣткомъ ⁽²⁾ на рукахъ: везутъ моего пана паровицею ⁽³⁾, какъ мертваго! Выѣзжалъ въ походъ на бодромъ конѣ.... пятьдесятъ золотыхъ заплатилъ въ Коронѣ.... и двое добрыхъ коней въ торокахъ шло, а воротился на чужомъ возу,—раскинулся на возу, лицомъ къ небу, какъ мертвый! Каково же было мнѣ его встрѣтить! И кони, и риштунки, и кованые возы, и саетовые жупаны, и самоналы и

(1) На кладбищѣ.

(2) Не говорящимъ ребенкомъ.

(3) Парою воловъ.

сабли—все прохарчили козаки на той канальской работѣ ⁽¹⁾! Кормили ихъ тамъ не казною, а зневагою ⁽²⁾; богатѣли ихъ потомъ и кровью; и кто не сжилъ, таскаючись по болотамъ, то нищимъ домой воротился.... Увидѣлъ дочку и заплакалъ: «какая судьба твоя будетъ, что уже нѣтъ ни одного вольного козака на Украинѣ!...»

— Годи, годи, паниматко! годи, моя голубка!—прервалъ ее старикъ хорунжій: — ты безъ ножа рѣжешь мое сердце. Неужели ты не знаешь, гдѣ у меня всего больше болитъ? Скажи лучше, хорошо ли тебѣ у брата и почему не осталась ты на родномъ пепелищѣ?

— Какъ же мнѣ было тамъ оставаться? Пока покойный панъ Иванъ былъ живъ, на дворъ приходили очередные козаки, хозяйство шло по-людски; а какъ его не стало, то и подсосѣдки перестали слушаться. Я одна съ маленькой дочкой, а кругомъ—гайдамаки рыскаютъ.... До васъ, панотченьку, дошелъ слухъ, что они сдѣлали въ Миргородскихъ хуторахъ?

— Такъ то-жъ не гайдамаки, голубко, а настоящіе Запорожцы.

— Никогда этому не повѣрю!—сказала съ живостью старушка. Мой отецъ былъ запорожецъ; я знаю, каковы Запорожцы! Запорожцы боятся Бога, а эти изверги и Бога не боятся, и людей не стыдятся. Перерядились Татарами и заняли въ плѣнъ людей на продажу ⁽³⁾. Развѣ это запорожское дѣло?

— Эхъ, паниматко! не во гнѣвъ тебѣ, женскимъ розумомъ ты о военномъ народѣ судишь. Твой отецъ былъ изъ старыхъ Дорошенковскихъ запорожцевъ. Развѣ я не знаю твоего отца? Я знаю его лучше твоего. Онъ остался у насъ, между полчанами, въ то время, какъ Игнатъ Галазанъ, радѣючи царю Петру, пошелъ разорять Сѣчь.... Тебя тогда и на свѣтѣ еще не было, а мы съ твоимъ отцомъ были молодиками. Онъ съ нами гулялъ у Лизогуба, да пригласилась ему Лизогубова дочка, твоя паниматка, такъ онъ и остался между Гетманцами, и чуприну свою запорожскую подрѣ-

⁽¹⁾ Въ просьбѣ гетмана Апостола къ графу Головкину: «Козаки, за дальними и грудными походами, оружія своего лишились». *Матеріалы для отечественной исторіи*, изданные г. Судіенкомъ, т. I, стр. 37.

⁽²⁾ *Зневага*—презрѣніе, выражаемое оскорбительными поступками.

⁽³⁾ Въ 1736 году, Запорожцы вмѣстѣ съ Татарами, дѣйствительно захватили въ плѣнъ 700 душъ, сдѣлавши набѣгъ на хутора миргородскаго полка (Архивъ Н. А. Маркевича, № 379).

залъ и, раскинувши по головѣ, женился послѣ Шведчины. Такъ понимаешь ты разницу? Запорожцы хоть и воротились отъ Турка, какъ умеръ царь Петръ, да не съ добрымъ духомъ противъ нашего брата. И въ самомъ дѣлѣ, весело развѣ имъ смотрѣть на пановъ, которымъ роздалъ царь войсковыя земли безъ мѣры, рыболовни и мельницы безъ счету, за то, что ихъ поколотили и къ Туркамъ прогнали (!)?

— Да чѣмъ же народъ бѣдный виновать?—сказала панисѣтничка.

— Это, паниматко, старая пѣсня, что когда паны дерутся, то у мужиковъ чуприны трещать. Вотъ и мы всѣ: за кого терпимъ? За Мазепу. Мы не любили этого польскаго блюдолиза, а намъ посадили его на шею гетманомъ, и самъ же царь Петръ носился съ нимъ, какъ съ писанною торбою, и личманъ ему на шею съ своимъ образомъ повѣсилъ, и голубою лентою его, какъ дружка на свадьбѣ, перевязалъ, а послѣ съ нимъ задрался, а на насъ сердце согналъ. Мы первые подорвали Шведа, не давши ему ступить шагу спокойно, переморивши его холодомъ и голодомъ; мы своею кровью облили полтавское поле; безъ насъ не совладали бъ съ нимъ ни Шереметы, ни Меньщики; а насъ дѣлають пріятелями Мазепы. За кого мы гниемъ и гибнемъ въ канальскихъ походахъ? все за Мазепу. Охъ, походы, походы! долго васъ не забудеть Украина!

И старикъ застоналъ и поникъ головой, такъ, что борода открыла его сложенные на столѣ руки. Долго онъ оставался въ раздумьи: потомъ посмотрѣлъ на свою собесѣдницу и продолжалъ спокойно:

— Такъ тебѣ, паниматко, не пожилось на вдовьемъ дворѣ? А славный дворъ былъ, и будинокъ не хуже полковничьяго. И церковь славную твой покойный мужъ выстроилъ: надъ самимъ прудомъ, на пригорѣ. Я былъ на освященіи. Подъѣзжаю: на горѣ церковь и въ водѣ церковь, на горѣ народъ и въ водѣ народъ, и сады и хаты, какъ въ зеркалѣ. Вѣдь отсюда близко. Братъ могъ бы тебя и отъ гайдамакъ оборонить, и очередныхъ козаковъ «отъ своего боку» посылать.

— Оно-то и такъ, панотченьку,—отвѣчала старушка,—а вышло

(¹) *Универсалъ* гетмана Скоропадскаго: «Попеже маестности, валежные на чины еeneralныхъ особъ, по змѣнѣ Мазепиною одойшли въ разныя владѣнія и утверждены жалованными монаршими грамотами», и пр. (Матеріалы изд. г. Судіенкомъ, т. I, стр. 83).

иначе. Братъ разослалъ сыновей по московскимъ столицамъ: теперь уже такъ повелось, чтобъ дѣти дома не росли; теперь только и защиты нашимъ козацкимъ дѣтямъ, что подъ парикомъ да подъ нѣмецкимъ кафтаномъ. Дружатся и рождаются съ московскими панами, и только черезъ нихъ выходятъ въ панство: вотъ наши выборы вольными голосами! Только старые паны держатся еще на своихъ мѣстахъ по выборамъ, а новые полковники всѣ изъ столицъ посылаются.

— Да и то—какіе выборы, паниматко!—сказалъ хорунжій. Гетманская ласка, шапши—Генеральной Канцеляріи. Мы выборовъ не знаемъ съ того времени, какъ Мазепа купилъ себѣ булаву у князя Голицына за войсковыя деньги! Вотъ у меня два сына: перебивали и въ Туреччинѣ, и въ Польшѣ и въ Пруссіи, заглядывали близко въ глаза неприятелю, довольно и добычи домой вывели: могли бы кажется старшиновать надъ козаками. Нѣтъ, купи сотничество, поклонись этимъ фертикамъ, что набилсь въ гетманскую канцелярію, этому плюговому бунчуковому и войсковому товариству, которое только и знаетъ бунить по всему краю, подъ гетманскою протекціею ⁽¹⁾. Такъ не куплю же! чорта получите! Будетъ съ васъ и *протекціоннаго мѣста*, которымъ вы, какъ тютюномъ, торгуете ⁽²⁾;

(1) Это былъ родъ охранный грамоты, которую высшіе малороссійскіе сановники покупали у петербургскихъ сановниковъ, а люди незнатные—у Генеральной Канцеляріи. Такъ, жена гетмана Скоропадскаго, присвоивъ себѣ, по смерти мужа, войсковую собственность, объявила, что она въ Малороссіи не судима, *понеже имѣетъ грамоту протекціонную*. Такъ гетманъ Апостоль, по просьбѣ епископа Бужинскаго, выдалъ свойственнику его, Михаилу Петрову, роменскому жителю, универсалъ, «пріймучи его въ протекцію гетманскую, дабы полковникъ, старшина полковая, особливо сотникъ роменскій съ урядомъ тамошнимъ, его до жадныхъ повинностей сотенныхъ не потягали». (*Матеріалы*, изд. г. Судіенкомъ, т. I, стр. 16).

(2) Записка Теплова: «...чины бунчуковыхъ товарищей и войсковыхъ канцеляристовъ великую салвогвардію имѣютъ; они, гдѣ бы кому въ отдаленіи какую обиду ни сдѣлали и въ какомъ бы полку то ни было, полковая канцелярія до нихъ дѣла не имѣетъ, а искать суда на нихъ надобно въ войсковой канцеляріи и у гетмана. И такъ бѣдной козакъ всегда ими обиженъ и за отдаленіемъ рѣдко управы ищетъ... При гетманѣ Скоропадскомъ, бунчуковыхъ товарищей и войсковыхъ во всей Малороссіи шестидесяти человекъ не было, и тѣ были самыхъ знатнѣйшихъ отцовъ дѣти, которыхъ гетманъ въ товарищи подъ свой бунчукъ принималъ: но, въ междугетманство, больше двухъ сотъ ихъ прибыло, и изъ подлыхъ людей, которые только сей чинъ за деньги получать могли, ибо имъ не столько чинъ, сколько та привилегія надобна, что они нигдѣ, кромѣ гетмана, не судимы» (*Записки о Южной Руси*, т. II, стр. 191).

а сотничество — дѣло громадское. Не у всякаго глаза, какъ у васъ, безстыдны: покупной сотникъ *хиба въ собаки очей позичитъ*, явившись передъ товариство! Да и что за счастье? Только на каналы да на линію козаковъ водить! Рейментарское дѣло, нечего сказать — погонять людей наземляной работѣ! Съ протекціоннымъ листомъ по крайней мѣрѣ дома будешь сидѣть... да и то не даютъ, оканные!... Охъ, времена! времена! ужъ не конецъ ли свѣту приходитъ!

Это было время послѣдняго разложенія такъ-называемой Гетманщины, то есть старыхъ гражданскихъ формъ, въ которыхъ существовала Малороссія, какъ отдѣльная, самоуправляемая, область. Съ паденіемъ Мазепы, началось быстрое уничтоженіе старого порядка вещей извнѣ и казалось полное безсиліе поддержать его изнутри. Не смотря на то, что весь народъ и все войско, за исключеніемъ немногихъ тысячъ отважныхъ людей, вооружились противъ Шведовъ, не смотря на то, что общая ненависть къ Мазепѣ, усиленная еще больше извѣстною анаею, обезсилила враговъ царя Петра задолго до полтавской битвы и что козацкіе полки больше всего остального войска пролили крови подъ Полтавою, нашъ край былъ какъ бы завоеваннымъ. Отважное предпріятіе Мазепы открыло уму Петра для его государства страшную перспективу, которой онъ не могъ забыть во всю жизнь. Возможность разрушенія, созданной въ умѣ и принятой очень близко къ сердцу, имперіи, слишкомъ сильно поразила тогда его воображеніе, и онъ, съ свойственной одному ему геніальностью, создалъ планъ постепеннаго разрушенія Гетманщины. Мы не жалѣемъ о ней, какъ объ уничтоженіи корпорации генеральныхъ старшинъ, которые, вмѣстѣ съ выбраннымъ отъ царя гетманомъ, дѣлили между собой войсковое имущество, не заботясь о благѣ народа, — которые окружали себя родственниками, подъ названіемъ генеральной канцеляріи и потакали имъ въ самыхъ вопіющихъ несправедливостяхъ относительно беззащитной части малороссійскаго населенія, которые — роздали своимъ пріятелямъ и распродали перекрещенцамъ изъ жидовъ и разнымъ выходцамъ полковничьи и сотничьи мѣста почти съ неограниченною властью надъ подчиненными. Намъ нечего жалѣть о паденіи Гетманщины. Это было дерево, подгнившее въ корнѣ и не приносившее никакихъ плодовъ. Еслибъ не повалило его петербургское правительство, оно само рухнуло бы и сгнило, оставленное безъ вниманія народомъ. Но нельзя намъ не грустить о тяжкихъ

обстоятельствахъ, которыми сопровождалось выполнение предначертанія великаго разрушителя старины русской. Раздача присвоенныхъ гетманской булавы и оставшихся, послѣ приверженцевъ Мазепы, земель великороссіянамъ¹, въ противность коренному малороссійскому праву и притомъ со введеніемъ неслыханнаго въ Малороссіи закрѣпощенія свободныхъ поселянъ, повлекла къ безчисленнымъ притѣсненіямъ простаго народа и грабежу козаковъ со стороны новыхъ владѣльцевъ, сильныхъ царскими милостями и посылавшихъ въ Малороссію своихъ управителей и старостъ, нѣмцевъ и великороссіянъ, какъ въ землю завоеванную. Въ лѣтописи Конисскаго, вѣрнаго историка своей современности, занятіе и управленіе новопожалованныхъ иноземцамъ имѣній въ Малороссіи описаны не чернилами, а кровью и слезами. Введеніе въ малороссійскій трибуналъ великорусскихъ членовъ, породило сцены насилій и ужасовъ, отъ которыхъ становится дыбомъ волосъ у историка. «Еслибы», говорятъ лѣтописное преданіе, «перстомъ руки Божеской изрыть частицу земли на мѣстѣ такъ-названной Тайной Экспедиціи, то ударила бы изъ него фонтаномъ кровь человѣческая, пролитая на пыткахъ, по однимъ подозрѣніямъ (1).» Систематическое ослабленіе козацкой тактики и изнурительныя земляныя работы въ финскихъ болотахъ, работы, превосходившія своею тягостью великанскія сооруженія древнихъ Артаксерксовъ и Фараоновъ, быстро уменьшили народонаселеніе края и наполнили его калѣками. Квартированіе войскъ великорусскихъ въ Малороссіи на военномъ положеніи, безъ всякихъ мѣръ къ ограниченію своеволія и безчинствъ солдатъ, и произвольные сборы *порціоновъ* и *раціоновъ*, сопровождаемые безнаказанными притѣсненіями и грабежомъ, породили въ народѣ бѣдность, часто доходившую до нищенства, а многія села заставили разбѣжаться. Не только лѣтописи, но и самые архивы, уцѣлѣвшіе отъ того времени, наполнены описаніями страшнаго произвола каждаго чиновника, каждаго командира и каждаго курьера, являвшагося въ Малороссію. При такихъ обстоятельствахъ, генеральнымъ и другимъ старшинамъ малороссійскимъ ничего другаго не оставалось, какъ только ладить съ правительственными лицами въ Петербургѣ и съ чиновниками, присланными въ Малороссію, и народъ сдѣлался общео добычею тѣхъ и другихъ. Съ уничтоженіемъ выбора вольными го-

(1) Лѣтопись Конисскаго. «Лѣтописи и историческія свѣдѣнія о Малороссіи».

лосами, уничтожился страхъ общественнаго мнѣнія для начальствовавшихъ. На мѣсто его развилась канцелярская формальность и, какъ непроницаемымъ облакомъ, закрыла собою отъ народа правду на судѣ. Кто не падалъ въ это время подъ бременемъ нужды и притѣсненій, тотъ невольно клонился и падалъ душою подъ нравственнымъ гнетомъ повсемѣстнаго беззаконія. Все бѣдное, все смиренное и незнатное, приникло молчаливо къ землѣ и образовало отдѣльную, пассивную, націю; все стремившееся къ обогащенію, къ власти, къ знатности, наслѣло сверху и образовало націю активную; а эта активность обращена была на составленіе связей съ богатыми и сильными, на угодничество опаснымъ, на захватываніе разными способами козачьихъ земель, на грабежъ и на насилія всякаго рода и на тяжбы съ сосѣдами за всякую мелочь, въ надеждѣ выиграть протори и убытки. Это было безобразное разложеніе стараго порядка вещей, подъ разрушительнымъ вліяніемъ дикой силы, которая воплотилась въ нравственный образъ лица и, за много десятилѣтій, а, можетъ-быть, и вѣковъ, впередъ, повелѣла тремъ безплодно враждовавшимъ славянскимъ націямъ перестать быть тѣмъ, чѣмъ онѣ были, которая покрыла почву этихъ націй гніющею массою старыхъ формъ жизни, чтобы, подъ безобразнымъ ихъ гніеніемъ — незримо для современниковъ, но видимо для исторіи — родились новыя начала во славу благородства души человѣческой... И потому, безъ злобы къ мрачной старинѣ и съ сочувствіемъ къ ея бѣдствіямъ и мгновенно промелькавшимъ радостямъ, будемъ живописать картины народнаго быта, который уже никогда не повторится. Я люблю прошедшее, не увлекаясь фантазіями о золотомъ вѣкѣ, люблю такимъ, какимъ оно было, люблю за то, что оно было, ибо всякое бытіе есть поэзія.

Тихо сіяла въ липовой свѣтлицѣ лампада, повѣшенная на трехъ тонкихъ цѣпяхъ изъ мѣдной проволоки передъ образомъ Бога Отца. Старики вели свои длинныя рѣчи ослабѣвшими голосами. Представитель слѣдовавшаго за ними поколѣнія молча слушалъ. Его очередь говорить и быть выслушиваемымъ до послѣдняго слова — впереди; его старость недалека, и недалеко то время, когда онъ мало будетъ встрѣчать вокругъ себя старѣйшихъ.

Спокойно старушка ведетъ свою бесѣду съ гостемъ, не думая объ угощеніи: есть кому за нее думать. У нея есть, въ полномъ

цвѣтъ лѣтъ, дочь, которая знаетъ о чемъ слѣдуетъ позаботиться по случаю пріѣзда гостей. Вотъ отворилась боковая дверь, и служанка, въ цвѣтахъ на головѣ, въ красныхъ монистахъ и вышитыхъ красными узорами бѣлыхъ рукавахъ, принесла восковую свѣчу и поставила на столѣ, съ низкимъ поклономъ престарѣлому гостю. За нею слѣдомъ вошла стройная высокая дѣвушка, держа въ рукахъ подносъ съ графинчиками и низенькими серебряными чарками. Еслибъ она и не отличалась отъ первой своимъ нарядомъ, то одна ея поступь, въ которой видно было что-то величавое, обратила бы на нее вниманіе каждаго. Въ движеніяхъ человѣка невольно выражаются его понятія о своей личности. Въ этой дѣвушкѣ, при всей мягкости и, вмѣстѣ, какомъ-то грустномъ оттѣнкѣ движеній, выражалось что-то самостоятельное, опредѣлившееся и навѣки созннное въ глубинѣ души. Было что-то таинственное въ изгибахъ ея тонкихъ черныхъ бровей, осѣнявшихъ нѣжно обрисованные глаза, которые какъ-будто стыдились своей выразительности, и, опускаясь безпрестанно внизъ, прикрывались длинными рѣсницами.

СИРОТИНА.

Не той сиротина,
Кого рідь не знає,
У кого хатини
Й худоби немає;
Не той сиротина,
Хто ходить въ десятці,
У кого свитина—
Вся—латка на латці....
Аби була въ ёго
Голова, да руки,
Любовь до народу,
Волі и науки—
Вінъ не сиротина,
Вінъ родичівъ має:
Вінъ Краю дитина
И Край ёго знає!
Вінъ — чадо громади:
Вона ёго любить,
Щиро поважає
И щиро голубить!

Хто жъ всімъ коверзує,
Зневажа Країну,
Свого не шанує,
А служить чужині;
Хто въ краще не вірить,
Душею не рветця
Тё, що буде, змірить,
Й живе якъ живётця;
Хто правди боїтця,
Якъ — панська дитина: —
Оттой-то безрідний,
Оттой сиротина!
Тому треба плакати
На себе-самого;
Бо не привітає
Громада такого!

Олександръ Копіський.